

Сага о визите Владимира Осипова в Монтерей
Автор
Владислав Краснов
Памяти Владимира Осипова, статья 1979 года за моим
авторством

[Владимир Николаевич Осипов](https://en.wikipedia.org/wiki/Vladimir_Osipov) (9 августа 1938 г. - 20 октября 2020) - русский писатель, основатель советского [самиздатского](#) журнала "Вече". Журнал считается важной вехой в развитии национального или [славянофильского](#) направления [советского диссидентского](#) движения. https://en.wikipedia.org/wiki/Vladimir_Osipov

Я должен выставить на сайт Ассоциации Доброй Воли Америки & России эту статью, пока я все еще перебираю свои воспоминания о моем дорогом друге и коллеге-диссиденте, сыгравшем выдающуюся роль в том, чтобы сделать освобождение России от тоталитарного коммунистического правления максимально мирным и менее болезненным для людей.

Господин Осипов посетил Калифорнию в апреле 1990-го года по моему приглашению. В Стэнфорде меня попросили быть его переводчиком. В нашем институте студенты знали русский достаточно, чтобы слушать его без переводчика. Он был рад пообщаться с моими русскоязычными студентами в [Монтерейском институте международных исследований](#).

Я также весьма благодарен издателям из Индии за то, что они избрали Осипова главным героем первой части моей книги ["С Востока на Запад: послание мира"](#) («[From the East to the West: A message of Peace](#)»). Не могу сказать наверняка, был ли Владимир Николаевич знаком с трудами Махатмы Ганди, но я уверен, что он разделял идеи ненасилия и доброй воли ко всем народам.

Покойся с миром, мой дорогой друг! Ниже приведены мои воспоминания о тебе, опубликованные в журнале "Религия в коммунистическом мире" ("Religion in communist lands") в 1979 году с небольшими исправлениями. Владислав Краснов.

Владимир Осипов: от атеизма к христианству
Автор - профессор Владислав Краснов,
Монтерейский институт международных исследований

Представлено в качестве доклада в Американской ассоциации преподавателей славянских и восточноевропейских языков (AATSEEL) 29 декабря 1978 года, Нью-Йорк. Опубликовано редакцией журнала "Религия в коммунистическом мире" (RCDA), том. XVIII, номера 1,2 и 3, 1979/ Опубликовано преподобным Благоданием С. Грубы, 475 Риверсайд Драйв, Нью-Йорк, NY 100274. Мы благодарны преподобному Грубы, католическому священнослужителю, за его сострадание к угнетенным русским христианам в СССР, в числе которых был Владимир Осипов.



Владимир Осипов

Владимир Осипов (1938-2020)

Введение

Имя Владимира Осипова, издателя и редактора [самиздатских](#) журналов "Вече" и "Земля"¹, известно в странах свободного мира уже довольно давно. С начала 1970-х годов его публикации считаются главным рупором возрождающегося [христианского неославянофильского](#) и русистского мышления. Статьи, в том числе передовые, и открытые письма Осипова публиковались в русской эмигрантской прессе, в первую очередь в журналах "Посев", "Грани" и "Вестник".² Западные СМИ также распространили некоторую информацию о "Вече", а также новости об арестах и тюремном заключении Осипова. В 1977 году он был избран в [Международный ПЕН-клуб](#), благодаря чему получил международное признание.

Среди американских ученых он привлек внимание [профессора Джона Б. Данлопа](#), написавшего книгу о [Всероссийском социально-христианском союзе за освобождение народов \(ВСХСОН\)](#) («New Russian Revolutionaries», 1976г., 'Новые русские революционеры'), основанном [Игорем Вячеславовичем Огурцовым](#) в 1964 году. Более того, профессор Даррелл П. Хаммер из Университета Индианы в Блумингтоне сообщил мне, что пишет научную статью об

¹В настоящее время доступно в том числе на русском <https://samizdat.library.utoronto.ca/content/>)

²См. полный перечень по ссылке <https://libraries.indiana.edu/periodicals-russian-emigre> .)

Осипове. Также недавно журнал "Посев" опубликовал сборник сочинений Осипова под названием ["Три отношения к родине"](#).

Тем не менее, несмотря на его относительную известность на Западе, Осипов не получил моральной поддержки, со стороны свободного мира, которой он по праву заслуживает в своем тяжелом положении узника совести в СССР. Главная причина этого, на мой взгляд, что его идеи часто воспринимали ошибочно: их видели в равной степени анахроничными и враждебными по отношению к Западу. Некоторые опасаются, что его призыв к национальному самосознанию русского населения может перерасти в форму шовинизма. Другие подозревают, что его публикации могут быть толчком к выражению антисемитских настроений. Есть также и те, кто подозревает у Осипова антидемократические и правые тенденции.

Чего критики Осипова никак не хотят брать во внимание, так это того, что его путь к славянофильству и идеям Достоевского, к русицизму и христианству был долог и тернист, и что двигался он в этом направлении после того, как уже побывал убежденным сталинистом, марксистом и в некотором смысле западником. К сожалению, они не в состоянии признать даже тот очевидный факт, что в конце пути Осипов приземлился не в кремлевских хоромах, а в застенках трудового лагеря, где пребывает до сих пор. Другими словами, они осуждают абсолютно беспомощного и оскорбленного человека за то, что он предположительно мог или не мог сделать, и даже не думают воздать ему должное за то, что он действительно совершил.

I. Московский университет. Мои воспоминания

Ниже следуют воспоминания В. Краснова, опубликованные в журнале "Религия в коммунистическом мире" (RCDA) в 1978 году, только что переведенные на русский язык.

Я хотел бы поделиться с вами своими воспоминаниями об этом человеке, о его свершениях и о том, [через](#) что ему пришлось пройти. Основное внимание будет уделено его студенческим годам в [Московском университете](#), с осени 1955 года по зиму 1959 года, когда его исключили оттуда. Я знал его в нескольких ипостасях: как коллегу и однокашника несколько курсов подряд с тех пор, как мы оба поступили в 1955 году; и как соседа по общежитию в Черемушках и на улице Стромынка; как члена [комсомола](#), с которым мне приходилось иметь дело в бытность секретаря комсомола перед группой из 200 вновь зачисленных студентов. Но самое главное, я знал его как "соучастника" в "заговоре", имевшим своей целью не свержение правительства, а возможность делиться друг с другом мыслями и чувствами, которые следовало держать в секрете, чтобы остаться нераскрытыми и никто не донес на нас. Задолго до того, как слово "диссидент" стало известно в русском языке, и Осипов, и я принадлежали к ранней тройке *единомышленников* [людей, разделяющих одни и те же

взгляды], которые верили в неотъемлемую ценность *инакомыслия* [гетеродоксии].

Мое первое впечатление о нем было как о типичном советском пропагандистском плакате с изображением молодого, суперпатриотичного, насквозь советского и фанатично преданного [комсомольца](#). На тот момент ему было всего семнадцать лет. Внешне он был воплощением здоровья и жизнерадостного ребячества. Он также отличался типично русской внешностью: светлые волосы, голубые глаза, небольшой рост, но при этом крепкое телосложение. Его розовощекое округлое лицо чем-то напоминало мне русских воинов, показанных в фильме "[Александр Невский](#)". Эта ассоциация подкреплена также тем, что он происходил из Псковской области - территории воинских подвигов [князя Александра Невского](#). Физический облик Осипова и его невероятная эрудированность представляли собой удивительно гармоничный симбиоз.

II. Студенческая коммуна

Проживая в общежитии, Осипов и несколько его соседей образовали своего рода коммуны. Они вместе учились, ложились спать в одно и то же время (обычно поздно), вместе играли в карты, вместе ели и вместе голодали - делились друг с другом буквально всем до последней копейки. Как только делиться больше было нечем, друзьям часто приходилось занимать небольшие суммы денег у других, и вернуть их было не всегда легко. Иногда они даже реквизируют запасы продовольствия из тумбочек у своих соседей за пределами коммуны, отчасти потому, что у них действительно не было ни гроша, но также для того, чтобы утвердить принцип главенства народа над интересами отдельных личностей. В политическом отношении в коммуне господствовал дух советского суперпатриотизма и непререкаемой преданности партии. Будучи секретарем комсомольской организации, я знал это очень хорошо, так как участники этого общества были первыми, кто изъявлял желание участвовать в *воскреснике* [коллективная добровольная работа в воскресенье], на строительстве Московского метро или стать донорами крови.

III. Студент-немарксист

Месяц спустя произошел один скандальный инцидент. На семинаре по [марксизму-ленинизму](#) один студент не только бросил вызов профессору, указав на противоречия в учении Маркса, но даже осмелился признать, что не является марксистом. Большинство участников коммуны были возмущены словами "дерзкого" студента, но только не Осипов. Он стал исключением.

После случившегося немногие студенты осмеливались разговаривать с тем студентом на переменах, опасаясь, что станут "белой вороной" в глазах сотоварищей. Поскольку в то время я был комсомольским лидером, по долгу

службы я обязан был поговорить с ним об этом инциденте, а также напомнить ему о вступлении в профсоюз, что он упорно отказывался делать, поскольку не был членом комсомола и, как следствие, не чувствовал себя обремененным партийной дисциплиной. Я встречал этого человека раньше в начале учебного года и он показался мне чрезвычайно умным и грамотным. Я быстро обнаружил, что мы разделяем недюжинное восхищение [Фридрихом Ницше](#). Звали этого студента Анатолий Иванов ([https://traditio.wiki/Анатолий Михайлович Иванов](https://traditio.wiki/Анатолий_Михайлович_Иванов)), родом он был из Москвы. Под предлогом моих обязанностей секретаря комсомола я один мог разговаривать с ним без всякой опаски. Вскоре я познакомил Осипова с Ивановым.

По нашей рекомендации Осипов начал читать работы Ницше и быстро нашел в его философии "антидот" от советской коллективистской "веры". Следует отметить, что Ницше сыграл значительную роль в развитии советского диссидентства. Из-за своего циничного отношения к христианству и всем традиционным религиям советские цензоры не запрещали досоветские издания его работ, когда его популярность была сравнима с популярностью [Карла Маркса](#). Однако власти все же опасались, что его призыв к "кардинальной переоценке ценностей" может подстегнуть советских диссидентов. Осипов рассказал мне, как пошел на хитрость: чтобы взять книги Ницше в Библиотеке Ленина, он неправильно написал имя немецкого философа как НИТУШЕ, притворившись невежественным, чтобы библиотекарь не донес на него за чтение трудов "философа-реакционера".

IV. Антисталинская речь Хрущева

Последний удар по коммунистическим убеждениям Осипова был нанесен речью [Никиты Хрущева на 20-м съезде КПСС](#). Хотя полный текст выступления так и не был обнародован, мы узнали о его основном содержании во время внеочередного собрания, на котором партийный чиновник провел для нас брифинг. Несмотря на попытки Хрущева не раскрывать в полной мере масштабы сталинских преступлений, факты, которые он привел, были в достаточной мере обличающими. Как признается Осипов в своих мемуарах, "доклад Хрущева и 20-й съезд разрушили нашу веру, потому что Сталин был движущей силой, центром идеологии для тех, кто вырос во время его правления. Старшему поколению коммунистов было легче принять эти факты, потому что они не видели Сталина как лидера, способного построить социалистическое общество".

Учитывая тот факт, что Сталин и "советская власть" были практически синонимами для нашего поколения, Осипов говорит: "Все мы, будущие диссиденты, в ранней юности были фанатичными сталинистами. По приказу Сталина, которого мы видели вершиной человеческого разума, образцом силы воли и совести, мы были готовы на все. Мы попросту не замечали

происходящего вокруг. Мы не замечали ни нищеты наших деревень, ни произвола наших чиновников, ибо Сталин был для нас настоящей религией".

Однажды Володя рассказал мне, что пятнадцатилетним парнем он приехал в Москву за сотни километров, чтобы в марте 1953 года оплакать "умершего бога" [Сталина](#). Он был свидетелем того, как толпа скорбящих, охваченная жуткой паникой, затоптала насмерть десятки людей и как он сам чудом избежал этой участи. Эта трагедия не поколебала его веры ни в Сталина, ни в советскую власть, но развила пытливость его ума. Три года спустя ему пришлось смириться с тем фактом, что бог, которому он поклонялся и которого оплакивал, был всего лишь кровожадным идолом.

V. Венгерская революция

Неудивительно, что, когда осенью 1956 года разразилась [венгерская революция](#), мы сочли официальную информацию об этом событии заведомо ложной. В то время как некоторые участники ныне несуществующей коммуны предпочли проигнорировать факт антикоммунистического восстания, а некоторые другие выразили готовность отправиться в Египет для борьбы с "сионистами и империалистами", Володя попытался воззвать к их историческому сознанию, проведя параллель между [русской интервенцией в Венгрию в 1848 году](#) и советской интервенцией в 1956 году. Мы, тройка единомышленников, были встревожены не только советским вмешательством, но и пассивностью Запада. Если до Венгрии мы все еще верили советской пропагандистской лжи об агрессивных замыслах НАТО, то после событий 1956 года мы начали подозревать, что у НАТО не было даже воли к защите и сопротивлению. Нам стало ясно, что в борьбе за освобождение от коммунистического гнета мы не должны рассчитывать на западные правительства.

Со временем Осипов стал одним из главных "ловцов человек" среди наших сокурсников на историческом факультете Московского университета. Напомнив им о русской интервенции 1848 года в Венгрии, он продолжал задавать нашим студенткам другие провокационные вопросы, такие как: "Что бы вы сделали, если бы влюбились в нациста во время войны?" В то время наши мальчики и девочки были очень влюбчивыми, поэтому ответы часто не совпадали с политической линией партии в отношении любви к классовым врагам. Это позволило Володе продолжить дальнейшую бомбардировку ранее полностью промытых мозгов.

В других случаях он размышлял перед студентами: не было бы лучше, если бы Наполеону удалось завоевать Россию? Когда невинные умы поспешно возражали в патриотическом азарте, а не с помощью аргументов, он ставил их в тупик, говоря, что как русский он полностью согласен с ними, но как марксист он не может не оценить наполеоновское завоевание как более "прогрессивное", чем деспотизм русских царей.

Затем был вывешен написанный от руки протестный плакат действующего в одиночку студента против советской помощи слаборазвитым странам, таким как Индия, "когда мы сами живем в бедности и нищете". Плакат был оперативно снят со стены у входа в кабинет декана, а студента исключили из университета и отправили на фабрику для "трудового перевоспитания".

VI. Дело Краснопевцева

За этим последовал еще более ошеломляющий инцидент: арест и суд над подпольной организацией, состоявшей из дюжины студентов и аспирантов исторического факультета. Эта организация поддерживала контакты с московским рабочим классом, внутри которого они пытались распространять антиправительственные листовки. Во главе организации был [Лев Николаевич Краснопевцев](#) - аспирант, кандидат в члены партии и секретарь комитета ВЛКСМ исторического факультета. Их политическая платформа была в основном социалистической и марксистской, но они критически относились к тому, как строился социализм в СССР. Никто из нас троих не имел с этой организацией никаких связей, но многочисленные аресты на факультете и суровые приговоры, вынесенные в феврале 1958 года, свидетельствовали о том, что мы можем стать следующей мишенью.

VII. 40 годовщина Октябрьской революции

Осенью 1957 года Осипов пригласил меня торжественно отпраздновать ^{40-летие} Великой Октябрьской революции в компании "единомышленников", которых я никогда раньше не встречал. Это было 7 ноября 1957 года. Можно сказать, мы тайком прибыли по неизвестному адресу. Там было много разнообразного угощения, как и на любой другой вечеринке, посвященной "вечной славе революции". Там было около сорока человек, начиная от старшеклассников и заканчивая рабочими и редакторами государственных издательств. Несмотря на то, что большинство людей, которые, казалось, встретились друг с другом впервые, - на протяжении всего вечера царилло чувство необычайного доверия.

Затем, по традиции, кому-то надо было произнести первый тост. Без всякого предупреждения один из мужчин, аккуратно одетый и выглядевший немного старше нас, встал и громко, без спешки, спокойно и деловито произнес: "Пусть эта 40-я годовщина Октябрьской революции будет последней!" Реакция аудитории была столь же удивительной: никто не возражал, и ни один человек не постеснялся опорожнить свой бокал. Остаток вечера небольшие группы вели дискуссии, иногда довольно жаркие. Обсуждали философию, поэзию и политику.

Однако я не слышал, чтобы кто-нибудь поднимал очевидный вопрос: что нам делать, чтобы приблизиться к благородной и смелой цели тоста -

сделать эту годовщину последней? Я упоминаю этот случай по двум причинам: во-первых, чтобы указать на высокую степень оптимизма, царившего среди молодежной оппозиции в 1957 году. Во-вторых, я хотел показать неспособность зарождающегося диссидентского движения сочетать свои лозунги с действиями. Это было мое последнее участие с Осиповым в организационных вопросах, хотя мы продолжали встречаться и обсуждать разные вещи.

После того вечера последовала серия инцидентов, которые в конечном итоге привели к исключению Осипова из университета и вступлению на путь открытой оппозиции. Этот путь оказался путем мученичества.

Вскоре наша тройка единомышленников перестала видаться и окончательно распалась. Сначала Иванова отстранили от университета якобы за низкую успеваемость (на самом деле у него были пятерки по большинству предметов, но он провалил некоторые тесты по марксистской «ортодоксии»). Затем академическое предупреждение получил Осипов. Его обвинили в том, что он написал еретическую работу для студента, и больше всего администрацию возмутило то, что эта работа якобы цитировала Льва Троцкого. Я сомневаюсь, что Володю как-то волновал [Троцкий](#), но его порицали за то, что он писал "с троцкистских позиций". И хотя партийные фанатики подозревали также меня в том, что я был провокатором под видом комсомольского активиста, они не смогли найти ничего такого с моей стороны, за что можно было бы мне отомстить. Тем не менее, они рекомендовали администрации лишить меня стипендии на один семестр за "недостаточную социальную вовлеченность", что было быстро исполнено.

VIII. Кульминационный момент и исключение из университета

Апогей наступил зимой 1959 года, когда Иванова арестовали в [Исторической библиотеке в Москве](#), за чтением антимарксистского философского трактата. Его обвинили в распространении антисоветской пропаганды и поместили в психлечебницу. 9 февраля 1959 года, сразу после зимних каникул, Осипов открыто выступил с протестом перед двумя сотнями студентов-историков во время комсомольского собрания, созванного для того, чтобы публично осудить Иванова. Я не присутствовал на этой встрече: из-за простуды я не смог вовремя вернуться в Москву из родного города Пермь, где я провел зимние каникулы. Только несколько дней спустя я узнал, что произошло.

Я узнал, что Осипов осмелился приложить активные усилия, дабы защитить Иванова. Ссылаясь на недавнее заявление Хрущева иностранным журналистам о том, что в СССР нет политических заключенных, Осипов попросил собрание комсомола обратиться к правительству в защиту Иванова. Попытка была напрасной, а самого Осипова исключили из комсомола, а затем и из университета.

IX. Выживание

После исключения Осипова из университета я видел его лишь изредка. Он переживал тяжелые времена, работая на случайных работах. Но он не терял бодрости духа. Он женился, переехал из Москвы и поселился в полуразвалившемся доме. В шутку он назвал его [Коломбе-ле-Дёз-Эглиз](#), иронично намекая на резиденцию [Шарля де Голля](#) во Франции. С некоторой долей самоиронии он проявил уважение к западному государственному деятелю, который считал, что русский народ не следует списывать со счетов как неисправимых коммунистов.

X. Площадь Маяковского

Поселившись в своем Коломбе, он начал принимать участие в [поэтических чтениях без цензуры на площади Маяковского](#), где встречался с такими героическими людьми, как [Эдуард Кузнецов](#), [Александр Гинзбург](#) (1936-2002), [Юрий Галансков](#) (1939-1972), [Илья Бокштейн](#) (1937-1999) и [Владимир Буковский](#) (1942-2019). Осипов стал одним из первых читателей и распространителей [самиздатского](#) журнала А.Гинзбурга "[Синтаксис](#)". Он также сыграл важную роль в популяризации работ художника-нонконформиста русского национального возрождения [Ильи Глазунова](#) (1930-2017). Когда Гинзбург был арестован в июле 1960 года, Осипов выпустил первый номер собственного журнала "[Бумеранг](#)". Он также опубликовал несколько статей в [самиздатский журнал "Феникс"](#), выпущенный [Юрием Галансковым](#) (1939-1972), который впоследствии умер в трудовом лагере в Мордовии.

XI. Семилетний приговор

6 октября 1961 года Володя был приговорен к семи годам каторжных работ. Ему было предъявлено обвинение в антисоветской агитации и пропаганде и в "обсуждении возможности совершения террористического акта против главы советского правительства". В ходе судебного разбирательства Осипов признал себя виновным, но позже решительно отверг обвинения, заявив, что его наказали исключительно за "инакомыслие и свободу мысли". Также очевидно, что его мысли не отклонялись от советского коммунизма дальше, чем это было у югославского социализма. "В то время, - пишет он, - Югославия была для нас образцом социализма, и мы опирались на таких авторитетов, как Ленин, Тито, Тольятти и лидеров ["рабочей оппозиции" Шляпникова и Коллонтай](#)".

Похоже, что на протяжении студенческих лет и вплоть до ареста в конце 1961 года взгляды Осипова в целом симпатизировали Западу: благосклонность к западным демократиям, симпатия к венграм, восстающим против его собственной родины; восхищение де Голлем, в сочетании с

остаточной привязанностью к марксизму; заигрывание с югославской моделью социализма. Но верно и то, что все эти годы он в душе оставался русским патриотом, а не советским.

Как развивались его убеждения в дальнейшем? Ответить на этот вопрос мне не представляется возможным из-за отсутствия воспоминаний того времени, потому что в то время он столкнулся с суровыми реалиями цензуры и трудовых лагерей. Поскольку в октябре 1962 года я остался в Швеции, я должен полагаться на его собственные труды, с которыми у меня была возможность ознакомиться, просмотрев [Архив самиздата в Гуверовском институте при Стэнфордском университете](#), и некоторые из которых теперь доступны в собрании сочинений Осипова "*Три отношения к родине*".

Говоря о своем первом семилетнем сроке, который он отбыл от звонка до звонка до 1968 года, он с гордостью упомянул, что его плен длился на год дольше, чем у героя поэмы лорда [Джорджа Гордона Байрона](#) "[Шильонский узник](#)". Заключение сломило дух героя Байрона:

И люди наконец пришли

Мне волю бедную отдать.

За что и как? О том узнать И не помыслил я - давно

Считать привык я за одно:

Без цепи ль я, в цепи ль я был, Я безнадежность любил.

ХII. Лагерь помог мне прийти к Богу

Осипов обрел Бога особым образом. Хотя условия содержания в Потьминском лагере были не лучше, чем в Шильоне, они повлияли на Осипова в противоположном направлении. "Если в прошлом я был материалистом, социалистом и утопистом, лагерь превратил меня в человека, верящего в Бога, Россию и наследие наших предков", - вспоминал Осипов в своих воспоминаниях "[Площадь Маяковского, статья 70](#)", написанных в 1970 году.

После освобождения он стал издавать самиздатские журналы "Вече" и "Земля". Эта деятельность привела его ко второму аресту и тюремному заключению на восьмилетний срок, который он отбывает в настоящее время.

ХIII. Первый выпуск журнала "Вече"

Во вступительном слове к первому выпуску "Вече" Осипов пообещал работать над "возрождением и сохранением русской национальной культуры и этического и духовного наследия наших предков". Название журнала восходит к российской исторической практике «вече» - народному собранию, которое Осипов однажды описал, как нечто сродни греческой «агоре», или британскому парламенту. Собственно, вече процветало в Новгородской и Псковской областях до монгольского завоевания и последующей аннексии Москвой. Родословная Осипова происходит из Пскова.

Верный своему названию, журнал "Вече" приглашал всех читателей, независимо от их политических взглядов, высказать свое мнение. "Одно мнение может быть противоположным другому, но все наши споры должны быть направлены на одну цель - на благо России."

Самиздат "Вече" выпустил десять номеров за четыре года, прежде чем прекратил свою деятельность из-за раскола среди редакторов и преследований со стороны властей.

После того, как "Вече" прекратил свое существование, и до своего ареста 28 ноября 1974 года, Осипов успел издать два выпуска журнала "Земля". В этом новом журнале он снова поклялся следовать идеям славянофилов и Достоевского, а также сделал акцент на религиозном характере своего национализма. "Люди, которые не проявляют милосердия, великодушия и любви к Богу и людям, - заявил Осипов, - не могут зваться русскими".

В том же духе он осудил продвигаемый властями "атеистический национализм" как сатанинский. Это неприятие официального национализма нашло раннее выражение в его статье "*Три отношения к родине*", которая дала название сборнику его работ в журнале "Посев". Он различал три отношения к своей родине: ненависть, псевдолюбовь и подлинная любовь. Различие между последними двумя явно указывает на осуждение с его стороны официального русского национализма, формально провозглашенного властями как патриотизм, который советские лидеры не прочь использовать всякий раз, когда чувствуют, что официальная идеология марксистского интернационализма не способна укрепить страну.

XIV. Поддержка позиции Солженицына

Политические взгляды Осипова, пожалуй, лучше всего выражены в его статье "*Пять возражений [Сахарову](#)*", написанной в ответ на критику Сахарова в адрес "*Письма [Александра Солженицына](#) [вождям Советского Союза](#)*". Выражая сожаление по поводу "взаимной нетерпимости" между "националистическим" и "демократическим" направлениями советских диссидентов, он занимает сторону Солженицына.

Возмущенный определением Сахарова исторической роли славянофилов как "зла", Осипов указывает, что не все они были реакционерами. Он поддерживает политический идеал славянофила Николая Данилевского (1822-1885), представляющий собой сочетание национализма и либерализма. В наши дни он видит в лице Солженицына тот вид патриотизма, в котором "национализм и либерализм органично переплетаются всеобъемлющей любовью к своей стране", и в заключение говорит, что "программа Солженицына - это путь к спасению".

XV. Осипов о миссии России как христианской страны

Последнее сочинение Осипова, которое мне удалось увидеть, было его рождественское послание в декабре 1976 года. Он от души поблагодарил всех, кто послал ему приветствие, и выразил сожаление, что его критики на свободе повторяют те же слова, что и его тюремщики, а именно: обвинения в мракобесии и шовинизме. "Бог мне свидетель", - отвечает он своим критикам, - "мое сердце никогда не пылало гордостью, и никогда надменно не парило над какой-либо нацией или человеком". Тем не менее, он подтвердил свою приверженность той разновидности русского национализма или русизма, которая утверждает веру в особую миссию России как христианской страны. "Если мир - ад, - говорит Осипов, - то Россия - ясли, в которых должен родиться Христос".

Можно соглашаться или не соглашаться с тем, что пишет Осипов, но в нем нельзя не признать одного из самых смелых, стойких, благородных и энергичных поборников свободы слова в СССР. Будучи таковым, он является выдающимся защитником прав человека в России и за ее пределами. По существу, он никто иной, как узник совести, поскольку он никогда не пропагандировал насилие или революцию и всегда действовал открыто и в рамках буквы советского закона. Он жертва и мученик тоталитарной идеологии марксизма-ленинизма, которая не терпит никаких других идей.

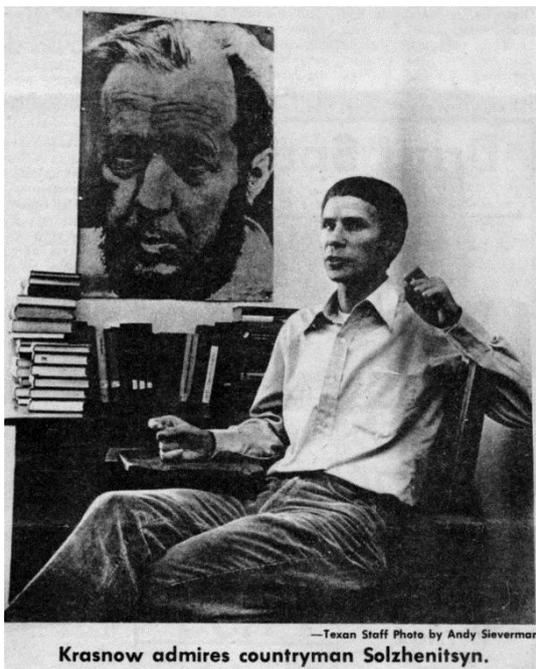
XVI. Вектор развития России

Когда я обозначил основной вектор духовного развития Осипова "От атеизма к христианству", имелось в виду, что всем этим путем от начала до конца должен был пройти СССР, включая постсоветскую Россию.

Можно было бы также назвать это постепенным отходом от официального и строго навязываемого марксизма-ленинизма с возвратом к своей этнической, культурной и религиозной идентичности. Конечно, речь идет не о восстановлении старой России, а скорее, о возрождении ее сущности, воплощенной в литературе, культуре и духовной жизни, включая христианство, но не в ее официальной бюрократической Православной Церкви, подчиненной атеистическому богоборческому советскому государству.

Осипов был не первым, кто призывал страну двигаться в этом направлении. Солженицын сделал это раньше и наиболее красноречиво в своем [Письме вождям советского союза](#), написанном в 1973 году незадолго до того, как его выгнали из страны. Он не просил их уйти в отставку, отказаться от своего марксизма-ленинизма и провести свободные выборы. Ничего из этого не было: он просто призывал их позволить обычным патриотически настроенным русским верующим подниматься по служебной лестнице и занимать государственные посты. Он также просил разрешать "пограничным республикам" провести референдум, если бы они захотели

отделиться. В 1974 году Солженицына и его семью депортировали в Германию. Тем не менее, давление недовольства внутри СССР росло.



Советские власти пытались ослабить давление, разрешив отдельным диссидентам покинуть Советский Союз. Введенная с 1973 года поправка [Джексона-Вэника](#) позволила тысячам советских евреев уехать, и многие из них отправились не в Израиль, а в США. Все чаще и чаще в колледжах США можно было увидеть бывших советских граждан еврейского происхождения. Стена отчуждения между двумя участниками холодной войны постепенно разрушалась. Этой главой я заканчиваю первую часть, состоящей из воспоминаний 1978 года об Осипове, далее следует «спор» Краснова с Солженицыным.

XVII. Испытания Солженицына

Как только Александр Солженицын обосновался в США после своего изгнания из СССР, я приветствовал его в рядах российских соотечественников и старался держать его в курсе своей деятельности. Среди прочего, я выслал ему копию моего доклада, представленного на съезде Американской ассоциации исследователей славянских и восточноевропейских языков в Нью-Йорке 29 декабря 1978 года. Как обычно, я сделал доклад об Осипове на английском языке. Единственным человеком, проявившим интерес к публикации этого доклада, был преподобный Благодислав Грубы, иммигрант из Чехословакии. По крайней мере, он был знаком с проблемами сохранения религиозной веры в коммунистических странах. Я сделал две копии доклада, одну я отправил в [редакцию журнала преподобного Благодислава Грубы \(Религия в коммунистическом мире-RSDA\)](#). Вторую же я послал сразу после возвращения в Монтерей на адрес Солженицына в Кавендиш, штат Вермонт.

Весной 1979 года Солженицын прислал мне длинное письмо в ответ на несколько моих посланий. В первую очередь он коснулся темы Осипова. Вот что он написал:

«Дорогой Владислав Георгиевич! Наконец, я прочёл - и с большим интересом - Ваш доклад об Осипове.

Я очень многих подробностей тут не знал и вообще интересно вообразить жизнь другого поколения, чьё студенчество было на 20 лет позже моего.

И для западных Ваш этот доклад полезный, хотя вызвать у них сочувствие к русскому национальному направлению - абсолютно безнадежно.»

Мне было трудно не согласиться с человеком, который, так убедительно раскрыв фундаментальные недостатки советской системы, основанной на марксистских представлениях о мировой революции, дал понять, что для величия России нет иного пути, кроме возрождения ее национальных корней, ее культурных традиций, включая христианскую духовность классической русской литературы, а также произведений лучших из угнетенных писателей советского времени, таких как: Евгений Замятин (1884 – 1937), Николай Гумилев, Михаил Булгаков, Осип Мандельштам, Анна Ахматова, Борис Пастернак, Валентин Распутин, Виктор Астафьев, Василий Шукшин и многих других.

Но прав ли был Солженицын, что не было никакой надежды пробудить у жителей Запада сочувствия к русскому национальному и духовному возрождению из-под гнета коммунизма. Я не оспаривал скептицизм писателя, просто не считал ситуацию абсолютно безнадежной. В конце концов, я долго находился на Западе, в Швеции, США и Японии, учился и преподавал в этих странах. Я был согласен с тем, что вызвать сочувствие было почти безнадежно, но действительно ли не было ни единого шанса? Я отказался в это верить и решил принять вызов.

К счастью, моя книга ["Солженицын и Достоевский: Искусство полифонического романа"](#) была на пути к выпуску. Я воздал должное как Достоевскому так и Солженицыну за использование сократического диалога для восприятия различных идеологий, как метода подрыва монолита марксизма. Более того, полифоническая концепция русского ученого-диссидента [Михаила Бахтина](#) (1895-1975) не просто нанесла удар по советской литературе "социалистического реализма", но и бросила вызов западному увлечению Эпохой Разума, кульминацией которого стало марксистское "всеучение".

Примерно в то же время я бросил вызов политике США в отношении СССР в статье под названием "Внешняя стратегия Ричарда Пайпса: антисоветская или антирусская?"³.

Модный в то время в США профессор Пайпс из Гарвардского университета, утверждал, что советским лидерам нельзя доверять из-за их преимущественно крестьянского происхождения, кроме того, они просто продолжают царскую традицию безжалостной территориальной экспансии. Однако насчет официальной советской доктрины марксистской мировой революции Пайпс не сказал ни слова.

³ "Richard Pipes's Foreign Strategy: Anti-Soviet or Anti-Russian?" By Wladislaw Krasnow. Vol. 38, No. 2, Apr., 1979 of *The Russian Review*, JSTOR, <https://www.jstor.org/stable/i207433> The article was re-published in 1980 by the *Encounter* magazine, UK. Wladislaw G. Krasnow, "Richard Pipes's Foreign Strategy: Anti-Soviet or Anti-Russian?", *The Russian Review*, Vol. 38, № 2, April 1979; reprinted in *British Encounter* magazine, April 1980; In Russian translation: Владислав Краснов, «Внешнеполитическая стратегия Ричарда Пайпса: антисоветская или антирусская?», журнал *ПОСЕВ*, № 1 (1272), январь 1980, стр. 36 – 43.

Напротив, я утверждал, что невозможно понять 20^{-й} век, не принимая во внимание большую привлекательность марксистского мышления для так называемых прогрессивных образованных людей Запада. Без сомнения, многие из них были довольно сведущими, но они также были закоренелыми атеистами. Они любили цитировать известное высказывание Маркса, что "религия - это опиум для народа". Но для них самих марксизм послужил как опиум для высококолых самодовольных интеллектуалов.

Затем я попытался проанализировать личность молодого Карла, представив его в кабинете Зигмунда Фрейда. Результатом этого стало эссе "Виктор Карл Маркс фон Франкенштейн, или Генеалогия коммунизма".⁴ Опубликовано в 1978 году в консервативном католическом журнале "Современный век". Сейчас статья доступна по ссылке <https://www.unz.com/print/ModernAge-1978q1-00072/> и на русском языке на сайте Глобального Союза Гармонии профессора Льва Семашко https://peacefromharmony.org/?cat=ru_c&key=697.

Мэри Шелли в своей притче предсказала эту самовлюбленность интеллектуалов, показав, как все более научный, индустриальный и атеистический «Современный мир», – в частности, Запад – стал слишком самоуверенным в способности "управлять собой", отбросив все ограничения, которые в прошлом были обусловлены уважением к священному. Мэри Шелли представила свою фантазию в виде амбиций доктора Франкенштейна создать в лаборатории "лучший" образец человека - превосходящий того, которого мы имеем от природы.

Карл Маркс, младший современник Мэри Шелли, был более чем амбициозен. Он хотел создать не нового индивидуума, а - ни много ни мало - целое «Новое Общество»! Маркс хотел создать новый тип общества людей с равным доходом, где нет ни соперничества, ни вражды.

Когда большевики Ленина попытались совершить "Мировую революцию", захватив власть путем государственного переворота в столице России Санкт-Петербурге, это была дерзкая попытка создать новый тип человечества. Создание этого могло быть инициировано и поддержано только силой. И часто подобное происходит вопреки благим намерениям революционеров, подобно тому, как «Монстр» доктора Франкенштейна пытается творить добро, когда его разъяренный «отец» выпускает в пустыню России.

После большевистского переворота в ноябре 1917 года и длительной кровопролитной гражданской войны был создан СССР. [Русский писатель Евгений Замятин](#), сам бывший большевик, в первых же годах коммунизма пришел к выводу, что Россию ждет новый невиданный ранее тип тирании. В 1920-1921 гг. он написал первый роман-антиутопию под названием "[Мы](#)" о полном подчинении личности тоталитарному государству. Замятину удалось

⁴ Опубликовано в 1978 году в консервативном католическом журнале "Современный век". Сейчас доступно по ссылке <https://www.unz.com/print/ModernAge-1978q1-00072/>
В переводе с русского: Владислав Краснов. «Виктор Карл Маркс фон Франкенштейн, или Генеалогия коммунизма». ГРАНИ, № 107, 1978

покинуть СССР в 1937 году. Автор романа "1984" Джордж Оруэлл воздал должное Замятину в своей книге. Потребовался другой русский провидец, [Андрей Амальрик](#) (1938-1980), чтобы дать миру вздохнуть с облегчением от ужасного видения будущего западного мира в антиутопии Джорджа Оруэлла "1984", когда в 1979 году он, молодой советский диссидент, задался вопросом: [просуществует ли Советский Союз до 1984 года?](#) В конце 1991 года СССР прекратил свое существование.

Поскольку оба родителя Карла Маркса обратились из иудаизма в христианство, в подростковом возрасте Карл был набожным христианином и был страстным приверженцем христианской доктрины. Однако, позже он стал атеистом и в будущем видел себя великим поэтом-романтиком с уклоном в романтический демонизм. Он, без сомнения, был амбициозным и талантливым молодым человеком, решившим идти своим путем. И я, собственно, нахожу такой характер похвальным. Но его стремление решить все проблемы человечества одним махом посредством "пролетарской мировой революции" было весьма сродни стремлению доктора Франкенштейна. По сути СССР, главный результат марксистских усилий по созданию нового типа счастливого общества, явился таким же Монстром, как и творение доктора Франкенштейна.

Два эссе, оба из которых понравились Солженицыну, а также книга "Солженицын и Достоевский", помогли сделать мне хороший старт в Монтерейском институте международных исследований, куда я был назначен руководителем отдела изучения России осенью 1978 года.

Меня приняли на работу в ранге «младшего» профессора, но через несколько лет я дослужился до замещающего, а затем и до полного профессора. Главным преимуществом здесь была независимость в том, что я делал в своей программе, включая наем дополнительных сотрудников.

Географическое положение института в монтерейском заливе было замечательно. Ныне небольшой городок с населением около 30 тысяч человек, Монтерей некогда был столицей Испанской Калифорнии, и в нем до сих пор витает аура космополитизма. Во время Второй мировой войны Монтерей назначили центром подготовки специалистов по японскому языку для поддержки военных действий США в Тихом океане. С приходом холодной войны был основан [Военный институт иностранных языков](#), где преподавалось несколько иностранных языков, и главный акцент был сделан на русском. Вскоре там было задействовано более 300 преподавателей русского языка. Это были гражданские лица, как правило, из рядов "белоэмигрантов" антикоммунистических взглядов. Среди них также были Романовы.

После выхода на пенсию группа бывших преподавателей военного института решила основать гражданский институт с аспирантурой по иностранным языкам. Многие бывшие российские преподаватели предпочли остаться на полуострове Монтерей. В Монтерее даже основали русскую православную церковь Святого Серафима Саровского, которую моя семья

посещала по воскресеньям. По сути, Монтерейский институт международных исследований был образован бывшими преподавателями Военного института иностранных языков, которые после многих лет преподавания военного лексикона решили делиться более обширными знаниями о своих странах с американцами, желающими пройти аспирантуру в сфере языкознания.

Во время моего преподавания в Монтерее (1978-1992) там было шесть языковых кафедр: французская, немецкая, испанская, китайская, японская и русская. Преподавание экономических и политических предметов велось на английском. Предлагалось обучение на бакалавра (два старших курса) и магистра искусств, существовал Специальный отдел письменного и устного перевода. Монтерейский институт отличался тем, что был единственным колледжем в США, где можно было получить степень магистра письменного и устного перевода.

Неудивительно, что наш институт, несмотря на то, что он был частным и небольшим, был замечен в СССР с наступлением горбачевской гласности и перестройки. В конце 80-х годов был налажен обмен студентами с Московским государственным педагогическим институтом иностранных языков имени [Мориса Тореза \(ныне Московский государственный лингвистический университет\)](#). В 1988 году советский генеральный консул выступил с докладом перед нашим преподавательским составом. Он высоко оценил реформы Горбачева и высказался за расширение культурного обмена. Позднее к нам приехала делегация из Дипломатической академии во главе с проректором, и я пригласил их на ужин в нашу семью, общение было весьма миролюбивым.

XVIII. Книга советских перебежчиков

Фактически, я стал перебежчиком в 1962 году, когда остаться за границей без разрешения властей считалось актом государственной измены. На самом деле я остался в нейтральной Швеции не для того чтобы передавать секреты, которых я и не имел. Я никогда не скрывал этого, потому что я бежал не для того, чтобы передавать какую-либо секретную информацию "врагу", а для того, чтобы получить всю информацию о СССР и мире, которую я мог бы найти в открытом доступе.

К слову, вскоре после того, как я присоединился к составу Монтерейского института в 1978 году, я получил письмо из Норвегии от одного русского эмигранта и активиста [Народно-трудового союза российских солидаристов \(НТС\)](#), который читал мои статьи в "Гранях" и "Посеве". Он сообщил мне, что его организация имеет в своих руках секретный документ КГБ, что-то вроде списка разыскиваемых советских перебежчиков, в котором фигурировало и мое имя. Он поинтересовался: "Вы не хотите узнать, что у них есть на вас?" Разумеется, мне стало интересно. "Тогда вам следует прислать нам копию вашего паспорта и подпись,

заверенную нотариусом, и если ваши данные будут соответствовать записи на вас в КГБ, мы будем рады отправить вам копию записи по почте". Мне стало любопытно, и я попросил предоставить мне данные.

Вскоре я получил ответ из Норвегии с фотокопией не только записи обо мне, но и всех остальных лиц в списке. К моему удивлению, в той записи была информация не только обо мне, но и о моих родственниках в Перми, включая моего племянника Сергея Зонтова, сына моей старшей сестры. Сергей был одним из лучших советских прыгунов с трамплина и должен был отправиться на зимние [Олимпийские игры 1972 года в Саппоро](#) (Япония). Однако он был шокирован, когда в последнюю минуту его исключили из команды. В результате советская сборная не получила ни одной медали в прыжках на лыжах с трамплина в Саппоро. Подозревалось, что это было связано с бегством его дяди из страны. И в этом не осталось никаких сомнений после того, как я прочитал мою запись в Списке разыскиваемых КГБ!

Теперь мне пришла в голову идея обнародовать список КГБ и все аспекты бегства советских граждан в свободный мир. Поскольку Список был составлен только за период 1945-1969 годов, я дополнил его данными о новых перебежчиках, о которых имелась информация в открытом доступе, хотя некоторые случаи так и не были раскрыты. Мне удалось заключить безвозмездный контракт с Гуверовским Институтом на летнюю стипендиальную программу и исследовательские архивы, что освободило меня от летнего преподавания языка в Монтерее.

Стало очевидно, что бегство из Советского Союза было в первую очередь проблемой прав человека, а не национальной безопасностью ни для СССР, ни для США. Люди бежали, потому что хотели быть свободными и заниматься тем, чем они хотели, и неважно, дома или за границей. На самом деле свобода передвижения через государственные границы закреплена во Всеобщей декларации прав человека, принятой большинством стран с момента основания ООН в 1946 году. В 1966 году СССР наконец-то присоединился к списку подписантов. Тем не менее, как Берлинская стена, так и Железный занавес в целом оставались практически нерушимыми до конца существования СССР. Марксистско-ленинская идеология требовала от советских лидеров, чтобы они держали своих граждан взаперти и вне досягаемости "капиталистической пропаганды" до тех пор, пока трудящиеся и угнетенные народы мира не свергнут "иго капитализма" во всем мире.

Большое облегчение наступило только в 1973 году, когда поправка Джексона-Вэника в Конгрессе США вынудила советских лидеров разрешить сотням тысяч советских евреев эмигрировать, чтобы соединиться со своими семьями в Израиле, хотя очень многие из них отправились в США. Естественно, некоторые из них искали компании таких "бывалых", как я. Часто интересовались практическими вопросами об адаптации к американскому образу жизни. Они любили рассказывать мне новые диссидентские советские анекдоты из серии "Армянское радио". Например:

"Слушатель задает насущный вопрос: все-таки еврей - это этническая принадлежность или религиозная? Радио Армении провело исследование, и вот что они выяснили: еврейство - это ни религия, ни национальность. Это самый верный способ эмигрировать из СССР!"

Я думал, что шутка связана с вопросом, поднятым ранее в моем эссе о более широких последствиях романа ужасов Мэри Шелли о Чудовище доктора Франкенштейна. Если бы Карл Маркс, как этнический еврей, родился в СССР, учитывая его индивидуалистический характер, воспользовался бы он поправкой Джексона-Вэника, чтобы эмигрировать в Израиль или в США? Интуиция подсказывала мне, что Маркс стремился бы иммигрировать в США, несмотря на то, что капитализм в штатах еще больше укрепил свои позиции, чем в его время. Я бы даже рекомендовал его в качестве преподавателя немецкого языка в Монтерейском институте. Я не возражал бы нанять его в свой отдел, но Монтерей требует знания языка на уровне носителя.

Конечно, после 1969 года - последнего года, значимого в записях Списка разыскиваемых КГБ, бегство из СССР только усилилось. Поправка Джексона-Вэника только усилила привлекательность этого явления. Если в период с 1945 по 1961 год большинство перебежчиков были советскими солдатами и гражданскими лицами, которые воспользовались тем, что между странами Варшавского блока и ФРГ и другими западными странами были довольно прозрачные границы, то после возведения [Берлинской стены](#) в 1961 году потенциальные перебежчики стали искать другие пути получения убежища, тем более что общий туристический поток увеличился. Благодаря усилиям Джексона и Вэника, среди советских граждан аппетит к бегству только возрос. Многие перебежчики – бывшие популярные и успешные представители советской культуры и спорта: танцоры балета [Рудольф Нуреев](#), [Александр Годунов](#) (1949-1995), [Наталья Макарова](#); чемпионы по шахматам [Виктор Корчной](#) (1931-2016) и [Лев Албурт](#), [Людмила Белоусова](#) - двукратная олимпийская чемпионка в фигурном катании (1935-2017) в паре с [Олегом Протопоповым](#), композитор [Максим Шостакович](#); режиссеры [Андрей Кончаловский](#) и [Андрей Тарковский](#), знаменитый режиссер популярного Московского театра на Таганке [Юрий Любимов](#) (1917-2014), летчик Виктор Беленко, угнавший в 1976 году военный самолет новейшего типа в Японию, а также [Аркадий Шевченко](#), который, находясь на посту заместителя Генерального секретаря Организации Объединенных Наций по политическим вопросам был чиновником самого высокого ранга, покинувшим страну.

XIX. Михаил Восленский

И вот еще об одном выдающемся перебежчике. Это был **Михаил Восленский** (1920-1997), (https://ru.wikipedia.org/wiki/Восленский,_Михаил_Сергеевич).

Как говорится в его некрологе (журнал “Independent”, 23 октября 2011 г.), он “единолично ввел слово “номенклатура” в западные языки, раскрывая и объясняя мощную сеть коррумпированных, жаждущих власти партийных чиновников, которые управляли Советским Союзом в своих собственных интересах”. Я согласен с этим утверждением. Мне удалось повстречаться с Восленским во время исследовательской поездки в Мюнхен в 1987 году. Я провел с ним короткую беседу, чтобы поделиться с ним копией моей книги о советских перебежчиках, которая включала и статью о нем лично.

Поскольку он был выпускником – из поколения, предшествующего моему – исторического факультета МГУ, как Осипов и я, я дал ему понять, что мы знакомы с понятием номенклатуры, как оно было описано – и осуждено – Милованом Джиласом (1911-1995), (https://ru.wikipedia.org/wiki/Джилас,_Милован), в его книгах “Новый класс” и “Разговоры со Сталиным”, к которым у нас был лишь ограниченный доступ в российском самиздате. Труды Джиласа произвели на нас сильное впечатление, потому что, как и мы, он был ярким марксистом, затем студентом-диссидентом, выступавшим против югославской монархии, и партизанским бойцом против нацистской оккупации. Однако, как высокопоставленный член послевоенного коммунистического правительства Югославии, он был встревожен бюрократическими злоупотреблениями и осмелился бросить вызов идее коммунизма в целом как прародителя тоталитарного государства.

«Онлайн-исследование дало мне следующую информацию: "Книга М.С. Восленского "Номенклатура" – одна из тех чрезвычайно редких книг, которые после публикации сразу же попадают в сокровищницу политической мысли. Она важна сегодня в силу своей актуальности и особых достоинств, книга структурирована четко и логично. Читатель шаг за шагом проходит через различные части советской системы, не упуская из виду систему в целом. Таким образом, складывается всеобъемлющая картина.” (Милован Джилас, из предисловия к книге). Приятно слышать, что два выдающихся человека, ощутившие на себе действие коммунизма в двух независимых коммунистических государствах соглашаются, что коммунистическое “лекарство” хуже капиталистической “болезни”.

От себя лично добавлю, что мое диссидентство началось примерно в 1954-55 учебном году, когда я был студентом Историко-архивного института в Москве. Во время семинара по марксизму-ленинизму я спросил нашего профессора о цитате Ленина, которую я нашел в его собрании сочинений, о том, что средняя зарплата партийного бюрократа должна быть сопоставима с зарплатой профессионального рабочего. Профессор подтвердил, что он тоже

видел эту цитату, но не знает, почему не был выполнен этот “завет Ленина”.
(См. <https://www.marxists.org/archive/lenin/works/1917/nov/18b.htm>)



Во время работы над книгой я установил тесные связи с Гуверовским институтом в Стэнфорде, где моя книга была, наконец, опубликована в 1985 году.

Примечательно, что осенью того же 1985 года моему старшему брату внезапно было разрешено навестить меня и мою семью в Монтерее. Разрешение на пребывание ему было выдано на два месяца. Его не интересовала политика, но ему нравился тот факт, что Михаил Горбачев, “новый молодой человек”, занял пост генерального секретаря партии, сменяя старое геронтократическое партийное правление. Советская сторона выдала визу даже несмотря на то, что я перебежчик. Как я уже упоминал, в 1972 году советские власти не разрешили моему племяннику участвовать в зимних Олимпийских играх в Саппоро. В 1973 году советские власти не разрешили моей матери навестить нашу семью в Остине, штат Техас, чтобы увидеть нашу новорожденную дочь. Было очевидно, что они продолжали следовать старой сталинистской практике наказания всей семьи за “преступления” одного человека. Затем моих родителей не стало.

Брат сказал мне, что он подал заявление на получение американской визы, как только при Горбачеве и Рейгане началась оттепель между двумя странами. И у него получилось! Впервые с 1962 года произошло подобное.

Конечно, это было хорошим предзнаменованием для всей страны. Я почувствовал воодушевление продвигать русское дело в Америке дальше, как и обещал Солженицыну. В частности, я хотел пригласить Владимира Осипова в Монтерей, чтобы он выступил перед нашими студентами, изучающими Россию.

Произошло несколько событий, которые казались мне добрыми знаками.

XX. Защита Солженицына от обвинений в антисемитизме

Собственно, перед тем, как пригласить Осипова, я должен был сделать ряд вещей для укрепления русского дела в Америке. Во-первых, как специалист по Солженицыну, я должен был попытаться снять с него несправедливые и едкие обвинения в антисемитизме, которые звучали, по крайней мере, с тех пор, как он переехал в США, если не раньше. Я использовал любую возможность, чтобы открыто дать им отпор.

В ноябре 1985 года я был на всемирном конгрессе советских и восточноевропейских исследований, который проходил в Вашингтоне. Я решил воспользоваться этой редкой возможностью, чтобы обсудить новую редакцию романа Солженицына "Август Четырнадцатого" чтобы ещё раз высказать свое высокое мнение об оригинальной версии, которая была включена в мою книгу "Солженицын и Достоевский: искусство полифонического романа", увидевшую свет в 1980 году. Я указал, что Солженицын использовал в США, в частности - архивные ресурсы Гуверовского института, чтобы дополнить свой роман ретроспективной главой о Петре Столыпине (председатель совета министров Российской империи с 1905 по 1911 год), сумевшим вытащить страну из болота революционных волнений 1904-1907 годов. Я особенно воздаю должное Солженицыну за то, что он смог изобразить Столыпина не только как умелого политика и вдумчивого реформатора, но и как героическую личность, с обостренным чувством гражданского долга, в котором нуждалось то время. Конечно, таким изображением писатель в одиночку опроверг крайне негативную и клеветническую оценку Столыпина, данную Лениным, а затем и практически всеми советскими *номенклатурными историками* почти за все 73 года существования СССР.

Камнем преткновения стал, пожалуй, не столько премьер-министр, сколько его убийца, Мордко Богров, двойной агент и террорист еврейского происхождения. В то время как советские историки обычно умалчивали о его происхождении, Солженицын довольно часто останавливается на нем, пытаясь понять, как роковое, героическое и самоубийственное решение убийцы могло быть связано с его корнями.

На мой взгляд, такое изображение не обязательно должно исходить из предрассудков Солженицына, а тем более из предполагаемого антисемитизма. Солженицын мог ошибаться в оценке личности Богрова, но это не значит, что он был несправедлив к нему из-за его еврейского происхождения. Кроме того, в той же книге Солженицын наделяет положительными чертами еврейского предпринимателя Архангородского и даже предполагает, что последний был более типичен для большинства евреев Российской империи, чем Богров и большинство еврейских большевиков. Будучи верен своему полифоническому методу, он, безусловно, позволяет множеству различных персонажей высказывать свое мнение, даже если оно ему неприятно.

Во всяком случае, вскоре после того, как я вернулся из Вашингтона в Монтерей, в "Нью-Йорк Таймс" можно было прочитать следующее: "Расширенная версия книги Александра И. Солженицына "Август Четырнадцатого", содержащая новый раздел об убийстве российского премьер-министра евреем-анархистом, вызвала споры о том, является ли лауреат Нобелевской премии и автор "Архипелага Гулаг" антисемитом". Это было в докладе

<https://www.nytimes.com/1985/11/13/books/solzhenitsyn-and-anti-semitism-a-new-debate.html> Richard Grenier on Nov. 13, 1985.

Репортер писал: "Предполагаемый антисемитизм Солженицына был непосредственно рассмотрен в выступлении Владислава Краснова, бывшего редактора отдела вещания Радио Москвы, который в настоящее время занимает пост профессора в Монтерейском институте международных исследований в Калифорнии и занимается изучением России. Г-н Краснов счел обвинение "совершенно необоснованным".

Репортер продолжил: "А ранее статьи о господине Солженицыне и антисемитизме среди русских эмигрантов появились в "New Republic", "Washington Post" и других американских газетах".

Репортеру также принадлежат слова, что "обвинения в антисемитизме исходят от таких «непогрешимых» антикоммунистических деятелей, как профессор Ричард Пайпс из Гарварда, советолог и бывший руководитель по делам Восточной Европы и СССР в Совете национальной безопасности президента Рейгана". Однако репортер дал понять, что многие выдающиеся американские ученые, в том числе и коллега Пайпса по Гарварду, профессор Адам Улам, с ним не согласны.

Мы с профессором Уламом пообедили вместе и дружески обсудили тему антисемитизма.

Кстати, другой известный советолог, Роберт Конквест, также высказался в поддержку А. Солженицына.

Вскоре я сделал из своего доклада на Вашингтонской конференции полномасштабную статью, которая в следующем году была опубликована ведущим профессиональным журналом: Владислав Краснов, "Состязание со Львом Толстым" («Wrestling with Lev Tolstoi: War, Peace, and Revolution in Aleksandr Solzhenitsyn's *New August Cnetyrnadtsatogo*»), журнал *Slavic Review*, том 45, выпуск 4, 1986. <http://www.jstor.org/pss/2498344>.

Через некоторое время Дэвид Айкман, (https://360wiki.ru/wiki/David_Aikman), мой друг конца 1960-х годов, а затем видная фигура ведущих СМИ и известный автор статей для журнала «TIME», позвонил мне с вопросом: «знаю ли я, как специалист по деятельности Солженицына и его защитник, номер его телефона или, что еще лучше, могу ли я дать самому Солженицыну номер Дэвида, чтобы он мог поговорить о проведении полномасштабного интервью, чтобы русский писатель мог высказаться по целому ряду вопросов, накопившихся в ходе его выступления в Гарвардском университете в 1978 году с напутственной речью "Расколотый мир"»? Дэвид, в частности, упомянул, что хотел дать писателю шанс отвести все обвинения в антисемитизме.

Мое выступление в защиту Солженицына побудило Дэвида Айкмана, моего бывшего коллегу, устроить всестороннее интервью с Солженицыным в журнале Тайм. Дэвид был британцем, но он переехал из Англии в США, чтобы сделать карьеру в области изучения России. По своему знанию русского языка он уже превосходил многих американских студентов,

поэтому он был принят на работу в качестве преподавателя одновременно со мной, когда учился в магистратуре по истории России.

Тот факт, что мы оба не были гражданами Америки, сблизил нас. Мы также ходили в один и тот же космополитический клуб за пределами кампуса, чтобы пообщаться с "местными жителями". Так случилось, что как только Дэвид женился на американской девушке китайского происхождения, я женился на этнической японке, которая была студенткой по обмену. Нас также свела вместе неприязнь к студенческому левому радикализму, который фактически привел к нескольким случаям взрыва бомб в кампусе и актам хулиганства, даже в отношении наших любимых профессоров. Не забывайте о том, что 1967-1971 гг. совпали с периодом войны во Вьетнаме, что вызвало студенческие волнения и террористические акты. Радикалы, в том числе "Студенты за демократическое общество" и "Черные пантеры", занимали настолько доминирующую позицию в кампусе, что с другими мнениями попросту не считались. Как следствие, мы с Дэвидом собрали небольшую группу студентов-диссидентов, разделявших мнение, что, невзирая на то, идет война во Вьетнаме либо не идет, коммунизм представляет реальную угрозу. Мы дали нашей группе единомышленников название "Студенты за открытое общество", или сокращенно SOS (Students for an Open Society), с намеком на опасность для самой цивилизации.

XXI. Защита Ильи Глазунова от обвинений в антисемитизме

Помимо Солженицына, был и другой видный деятель, ратовавший за необходимость русского национального возрождения как способа выхода из марксистско-ленинского идеологического тупика. Речь идет о выдающемся советском художнике [Илье Глазунове](#) (1930-2017), который сделал тему национального и религиозного возрождения России центром своего творчества. Я уже упоминал в своей статье, что мы с Осиповым принимали участие в организации выставки Глазунова в студенческом общежитии МГУ в 1958 году.

Двадцать лет спустя имя Глазунова было таким же громким и противоречивым.

С одной стороны, его искусство не прославляло коммунизм и советские эксперименты, рассматривая его картины, можно было почувствовать ностальгию по старым добрым временам.

С другой стороны, его портреты [Леонида Брежнева](#) (1906-1982) и других советских лидеров апеллировали к их тщеславию, тем более что он также получил известность за рубежом благодаря портретам таких "звезд", как [Индира Ганди](#) (1917-1984) и [Джина Лоллобриджида](#).

Так вот, в 1978 и 1979 годах, когда Осипов томился в ГУЛАГе, а я пытался привлечь внимание американцев к его бедственному положению, советские власти разрешили выставки Глазунова в Москве и Ленинграде. Освещение в средствах массовой информации было неоднозначным, с

официальными обвинениями его в шовинистических и "антисемитских" настроениях его работ.

Однако был и другой источник, позволяющий судить о том, как обычные советские граждане реагировали на творчество Глазунова. Кто-то осмелился наперекор советским властям сфотографировать книги отзывов на выставках, которые были доступны для посетителей, затем их содержание просочилось в самиздат, копии книг отзывов в конечном итоге попали на Запад.

Почитатели Глазунова среди русских эмигрантов сочли эти комментарии достойными публикации, в 1980 году под названием "Художник и Россия" они были опубликованы издательством "Град Китеж" "Общество содействия русскому искусству" (Gesellschaft für Förderung russischer Kunst). D-4000 Дюссельдорф, Западная Германия.

Будучи знаком с художником с 1957 года, мне стало любопытно узнать, как развивалось его искусство и что о нем думали советские граждане. Книга показалась мне чрезвычайно интересной, с хорошими иллюстрациями, и я захотел поделиться ею со своими американскими коллегами. Но как? Я вспомнил наставление Солженицына о том, что "абсолютно безнадежно ожидать какой-либо симпатии жителей Запада к русскому возрождению". Однако я все еще верил, что это не совсем так. Я написал рецензию на книгу и представил ее на национальном съезде Американской ассоциации преподавателей славянских и восточноевропейских языков (AATSEEL) 30 декабря 1982 года в Чикаго. Моя рецензия вызвала определенный интерес, поэтому я решил развить свое изложенное мнение в большую научную публикацию.

Сначала я решил подвергнуть комментарии статистическому анализу, и сделал это. Вывод состоял в том, что подавляющее большинство зрителей восхищалось искусством Глазунова и желало, чтобы таких художников и работ в его стиле было больше.

Я также дал понять читателям, что это был крайне редкий случай, когда жители Запада могли получить доступ к неподцензурным мнениям обычных советских граждан о том, каким они видят СССР сегодня и чего они хотят в будущем. Вскоре статья была снабжена статистическими таблицами и фотографиями произведений Глазунова, которые комментировали советские зрители.

Но появилась другая проблема: где опубликовать этот материал? Ведущие американские журналы часто критиковали СССР, но мало кто (если вообще кто-либо), представлял себе какое-либо другое, некоммунистическое будущее для СССР и советских союзников из Восточного блока. К счастью, нашлось профессиональное периодическое издание, редакция которого сама попросила меня внести свой вклад, это было издание "Научные работы Университета Хоккайдо" (HUAP).

Для справки: я работал как приглашенный иностранный эксперт в Центре славянских исследований (SRS, surabu kenkyu senta) [Университета](#)

Хоккайдо в Саппоро в 1979-1980 учебном году. Моей основной обязанностью было проводить собственные исследования и предоставлять консультации ученым Центра и другим специалистам, интересующимся СССР. Также ожидалось, что я представлю результаты своих исследований в сборнике научных трудов Университета Хоккайдо. Так все и случилось, за исключением того, что одна моя работа была закончена только после моего возвращения в Монтерей. Я нашел академическую атмосферу в Центре славянских исследований очень мотивирующей и подружился с несколькими сотрудниками, особенно с профессорами [Цугуо Тогава \(トガワツグオ\)](#), Хироши Кимура, профессорами Ватанабе и Мотидзуки. В общем, я нахожу очень удачным и даже providческим тот факт, что моя научная статья об исторических выставках Глазунова в Москве и Ленинграде была опубликована Университетом Хоккайдо в японском городе Саппоро.

Прежде чем я перейду к продолжению моей статьи, позвольте мне рассказать о том, как я встретился с профессором Госуке Утимура - исследователем деятельности Солженицына, отсидевшего 11 лет в советском ГУЛАГе в качестве военнопленного после поражения Японии в 1945 году. Утимура был хорошо известен и уважаем на Хоккайдо и в филиале Центра славянских исследований, но он жил недалеко от Токио. Поэтому я решил поехать туда, чтобы увидеть этого замечательного человека, который, несмотря на суровые условия ГУЛАГа, еще больше полюбил русскую литературу. Оказалось, во время моего визита в начале 1980 года у него уже была встреча и интервью с Солженицыным. Это произошло в Париже, Франция, в 1976 году. Привожу один фрагмент 2-го интервью профессора Утимуры с Солженицыным⁵, когда писатель-изгнанник посетил Японию 5 октября 1982 года, то есть через два года после моей стипендиальной программы на Хоккайдо.

Госуке Утимура: «в своей речи в Гарвардском университете вы говорили, что сейчас и американские, и советские лидеры боятся национализма. Говоря о Японии, какова, по вашему мнению, взаимосвязь между национализмом и интернационализмом?»

Солженицын: «Я намеренно не использовал слово "национализм" в своем предыдущем ответе. Национализм - это термин, который не поддается строгому определению, а сейчас он даже оскорбителен. Я не считаю себя русским националистом, я считаю себя русским патриотом. Патриотизм - это любовь к своей родине, и человек, искренне любящий свою родину, понимает, что другие народы тоже любят свою. А патриот своей страны не может быть сторонником угнетения других народов. Я только что говорил о

⁵Беседа Солженицына и Утимуры в Токио, Япония. 5 октября 1982 г. <https://libking.ru/books/prose-/prose-rus-classic/53429-aleksandr-solzhenitsyn-teleintervyu-yaponskoy-kompanii-nihon.html> Перевод В.К. Первое интервью для японской вещательной компании NET-TOKYO 5 марта 1975 г. в Париже, Франция https://royallib.com/read/solgenitsin_aleksandr/teleintervyu_yaponskoy_kompanii_NET_TOKYO.html#0

сохранении национальных корней, традиций и национального самосознания. Я считаю, что в современных реалиях вышеперечисленное представляет собой единственный надежный щит для каждой нации и страны. Ибо для современной мировой цивилизации характерен стремительный экономический рост, в ходе чего она не считается ни с чем индивидуальным, разрушает моральные ценности по всему миру. Меня иногда изображают врагом Запада. Но я не враг Запада. Я лишь противник безличной современности, это да».

Я думаю, что Солженицын, как и Осипов, осознавал негативную коннотацию слова "национализм" в преобладающих западных СМИ и научных кругах со времен Второй мировой войны, особенно в крупных странах, таких как СССР. Проще говоря, марксизм сделал "интернационализм" модным, по крайней мере, со времен Второй мировой войны. И Запад не возражал против этого до тех пор, пока мог сопоставить это с рыночным глобализмом. Чего многие советологи не смогли понять, так это того факта, что как только страна оказывается на пороге между интернационализмом и тоталитарной диктатурой, то возвращение к национальному самосознанию, включая гордость за свою историю, язык, традиционную культуру и религиозные убеждения, часто рассматривается как ее единственное спасение, независимо от того, как вы это назовете - патриотизмом или национализмом.

Возвращаясь к моей статье о Глазунове, я рад сообщить, что когда я встретил Илью Глазунова после распада Советского Союза в начале 1990-х годов - это было впервые с тех пор, как я помог вместе с Осиповым и другими студентами-диссидентами организовать выставку в общежитии Московского университета в 1957 году.

При встрече Глазунов обрадовал меня, сказав, что лучшая статья о его творчестве была "опубликована не в США и не в Европе, а в Японии!" Увидев мое недоумение, он с лихой улыбкой добавил: "Она была на английском, но я узнал русское имя автора!"

Затем он достал выпуск "Научных работ Университета Хоккайдо" 1985 года и показал его мне.

Как тесен мир! Это не позволяет прекрасному остаться незамеченным и пропасть. Отдадим должное издательству "Град Китеж", опубликовавшему книгу. Его название очень символично, поскольку оно отсылает к легендарному русскому городу, который погрузился в озеро и тем самым остался незахваченным монголами. И теперь бытует мнение, что город время от времени восходит над озером, но увидеть его могут только истинно верующие, чистые душой люди. Я предполагаю, что издателями были немецко-российские беженцы, жившие в Западной Германии в 1980 году и испытывавшие ностальгию по России.

Одной из самых противоречивых и в то же время наиболее полно раскрывающих замысел художника стала картина "Мистерия XX века", которую сам Глазунов назвал "произведением философского реализма".

Цитата из моей "японской" статьи: "Глазунов, по-видимому, стремится изобразить духовную дилемму нашего века, сопоставляя таких крупных политических и культурных деятелей, как Ленин, Троцкий, Уинстон Черчилль, Франклин Рузвельт, Джон Кеннеди, Альберт Эйнштейн и Пабло Пикассо с более зловещими фигурами Ленина, Гитлера, Муссолини, Мао и Сталина. Сталин, похоже, доминирует в этом столетии, занимая центральное место. Примечательно, что Сталин изображен лежащим в гробу на носилках, плавающих в море крови".⁶

Также показательным для философии Глазунова является сочувственное изображение царя Николая II и Александра Солженицына. На фоне рушащейся православной церкви царь изображен держащим на руках покойного цесаревича Алексея. Невинность принявшего мученическую смерть престолонаследника подчеркивается ореолом. Похоже, автор хотел таким образом подчеркнуть начало кровавой вакханалии 20-го века. Солженицын с *нагрудным номером заключенного* изображен на правой стороне картины, тогда как слева Глазунов помещает свой собственный автопортрет. Таким образом, предполагается близость между этими двумя в их роли главных свидетелей эпохи. Единственное светлое пятно на картине - облаченная в белое фигура Спасителя, который парит над всеми остальными".

Я нахожу очень примечательным тот факт, что Осипов был большим поклонником как художника, так и автора "ГУЛАГа", хотя два гиганта русского национального и христианского возрождения, насколько мне известно, никогда не встречались и не обменивались письмами. Ниже привожу своего рода краткое изложение книги отзывов: "В московской книге около 1465 записей и 622 в ленинградской книге. В сумме это более двух тысяч комментариев, которые, пожалуй, являются крупнейшим статистическим сводом мнений о советском искусстве, доступном на Западе".

"По моим оценкам, около 57 процентов всех записей в московской книге анонимны, а соответствующий показатель для Ленинграда приближается к двум третям."

"Наиболее поразительной особенностью обеих книг является непосредственность, прямота и красочность изложения мысли. Как если бы вулкан общественного мнения, бездействовавший более шестидесяти лет советской власти, внезапно взорвался, и люди, которые долгое время были немymi, внезапно обрели дар речи."

⁶Это было процитировано из моей "японской" статьи "*Русский национализм Ильи Глазунова: заметки с двух выставок*" | Научные работы Университета Хоккайдо 1985 | Автор: Владислав Краснов - президент Ассоциации Доброй Воли Америки & России (RAGA). Я не знаю, оцифровал ли Университет Хоккайдо эту работу. Но я оцифровал ее для Ассоциации Доброй Воли Америки & России (RAGA) в 2018 году <http://www.raga.org/news/hokkaido-university-1985-ilia-glazunovs-russian-nationalism-vladislav-krasnov> Можно также прочитать эту статью на сайте World Art News [HTTPS://WORLDART.NEWS/2021/04/18/ILYA-GLAZUNOV-S-R/](https://worldart.news/2021/04/18/ilya-glazunovs-r/) Я благодарен моему канадскому коллеге из RAGA за то, что он познакомил редакцию World Art News с работами выдающегося русского художника Ильи Глазунова.

"Около 75% из общего числа 2087 комментариев в обоих городах весьма положительные".

Примечательно, что «архитектор», подписанный Ключаревым, считает, что: «Глазунов пришел слишком поздно, и поэтому его искусство - всего лишь "реквием" по русскому народу и религии России». Как и многие другие посетители, он отмечает, что Глазунов - "единственный русский художник, поднявший национальную тему".

Говоря об обвинениях Глазунова в "антисемитизме", обратите внимание на цитату из моей статьи в «Научных работах Университета Хоккайдо» 1985 года: "Несколько комментариев, выражающих опасение, что искусство Глазунова может выродиться в фашизм и антисемитизм, значительно превосходят положительные, даже восторженные комментарии, подписанные людьми, чьи имена предполагают еврейское происхождение. Так, М. Л. Рабинович, студент-пианист, называет Глазунова "Великим художником, великим мыслителем, великим гуманистом, великим человеком и великим гражданином". Юлий Наумович Кантор выразился просто: «Спасибо, что вы есть». Рафаэль Абрамович Зак из Омска благодарит Глазунова "за радость бытия, которую вы нам дарите" и говорит, что ему особенно понравилась картина "Русская Венера". Инженер Тепельбаум говорит, что "для выставки картин И.С. Глазунова нужно построить дворец". Единственное сожаление инженера Л. Вайсмана состоит в том, что "Мистерию" не показали на выставке.⁷ Роза Марковна Шруг называет Глазунова «гениальным художником», благодарит его за «эстетическое наслаждение, которое доставляют его картины», и добровольно согласилась позировать ему. Р. Слуцкер, 27-летняя инженер из Свердловска, пишет: "Сегодня один из самых счастливых дней в моей жизни, и я горжусь тем, что живу с вами в одно время. Вы наполнили мою жизнь светом. Наконец, экономист Я. Р. Коган называет Глазунова "выдающимся художником современности".



И.С. Глазунов, «Мистерия XX века»

⁷Картина "Мистерия XX века" была запрещена к показу на первой выставке в Москве.

Что касается моего собственного вывода, в моей «японской» статье значится следующее: мой анализ этого уникального советского источника поддерживает тех западных ученых, которые, как [Дональд Тредголд](#) (1922-1994), придерживались мнения, что "В России все наследие православного христианства, либеральные устремления девятнадцатого и начала двадцатого века, весь докоммунистический свод деревенских традиций и церемоний были подвергнуты запрету на научное изучение, в их адреса звучали прямые обвинения или гротескное и преднамеренное искажение государственным указом [78]. Это также подтверждает аргумент о том, что собственно русский национализм не обязательно должен быть антагонистичным другим национальностям СССР и должен рассматриваться как союзник свободного мира”.

Конечно, я был рад процитировать профессора Тредголда, поскольку он не только был одним из моих коллег в Вашингтонском университете (1967 – 1971), но и написал мне личное письмо, в котором категорически поддержал мою критику статьи Ричарда Пайпса по внешней политике США, связанных с русофобией.

Я также не преминул процитировать коллегу Пайпса по Гарвардскому университету профессора [Адама Улама](#) (1922-2000), который в своей передовой статье "Русский национализм", включенной в сборник "Внутренний контекст советской внешней политики", признает, что Солженицын, чьи взгляды "стало модно высмеивать в определенных западных кругах", "обладает одним очень проницательным пониманием: власть советского коммунизма может быть ослаблена, только если будет доказано, что он несовместим с русским национализмом”.

Конечно, евреи - не единственная этническая группа, с которой приходится сталкиваться возрождающемуся русскому национализму в многонациональном СССР или его продолжателю. Достаточно привести всего один комментарий за авторством Кабахан Штанчаевой. Она представилась аспиранткой Института философии Академии наук. Судя по ее имени, она родом с Северного Кавказа и, вероятно, мусульманского происхождения. Она просто в восторге от Глазунова: "Я бы назвала эту выставку гимном духовности и красоте. Духовная мощь его образов невероятна. Этическая глубина его работ настолько сильна, что, покидая выставку, испытываешь состояние, близкое к катарсису". Она имеет в виду, что искусство Глазунова не просто об этнической принадлежности русских. Речь идет о поиске и мобилизации всех духовных ресурсов нации, стремящейся выжить и утвердить свою историческую и культурную самобытность в обществе, которое стремится любой ценой продвигать марксистскую утопию.

Мой собственный вывод гласил: "Тот факт, что советское правительство смогло создать и поддерживать видимость сосуществования коммунизма и русского национализма, в немалой степени объясняется нежеланием Запада признать законность русского национализма из-за

необоснованного страха, что он может перерасти в альтернативу даже хуже, чем коммунизм". Я думаю, что не только Солженицын и Осипов, но и профессора Тредголд и Улам согласились бы со мной.

Логично закончить эту главу собственным суждением Глазунова о том, что он считал несправедливостью западных людей по отношению к нему. Ссылаясь на предпочтения Запада по отношению к некоторым советским диссидентам, большинство из которых относились к Глазунову равнодушно, он провел аналогию с матрешками, которые так нравятся западным туристам. "Они видят только первый внешний слой, но не могут заглянуть глубже. Поэтому они видят только правительство снаружи и лицо физика-диссидента Андрея Сахарова на первом внешнем слое, но им не удастся заглянуть глубже, во внутрь России". Разве эта претензия не перекликается со словами Солженицына о том, что было "абсолютно безнадежно" рассчитывать на какое-либо сочувствие со стороны Запада по отношению к национальному и религиозному возрождению России?

XXII. О Конгрессе русских американцев

Мои журналистские и научные материалы как на английском, так и на русском языке привели к тому, что в середине 1980-х годов мне предложили присоединиться к [Конгрессу русских американцев](https://www.russian-americans.org/). О том, что это за организация и как вступить в ее ряды вы можете узнать на сайте: <https://www.russian-americans.org/>

Главной задачей Конгресса, основанного в 1973 году, была защита прав и достоинства русских американцев, содействие их консолидации, разоблачение русофобии и клеветы в отношении истории России. Источником дезинформации и клеветы была [Коммунистическая партия США](#) и ее союзники из числа левых. По их словам, Россия до 1917 года была страной царского гнета, полицейского надзора, нищеты, угнетения и, якобы, повсеместных еврейских погромов.

СССР, с другой стороны, со всеми его чистками и "эксцессами сталинизма", включая убийство Троцкого, изображался как прогрессивная страна, которая положила конец Гитлеру и Холокосту и вела мир к «пролетарскому раю». Увы, крупные средства массовой информации и академический истеблишмент в значительной степени «купились» на просоветский лозунг "мирного сосуществования между странами разных идеологий", даже в то время как советские лидеры отказывались сосуществовать со своими собственными гражданами, такими как Солженицын и Осипов и Глазунов.

Солженицын неоднократно говорил, что его шокировало каждый раз, когда он слышал восторженные сообщения СМИ о "советских спутниках", "советских спортсменах" и "советских балеринах", но, когда дело дошло до советского вторжения в Афганистан, его описывали (подобно риторике

Ричарда Пайпса), как "российскую агрессию" в соответствии с планами Петра Великого расширить Российскую империю до границ Индии.

В то время действительно поступали сообщения о том, что владелец винного магазина в Чикаго в знак протеста против советского вторжения в Афганистан приказал своим продавцам вынести из магазина все бутылки с водкой "Столичная" и другими водками "Русская", чтобы разлить их на улице. Тогда же поступило сообщение о том, что в суматохе была застрелена одна русскоговорящая женщина.

Конгресс русских американцев был создан для защиты прав американцев русского происхождения, которые были вынуждены бежать из России после Октябрьской революции или просто решили эмигрировать. Считалось, что было три волны иммигрантов из России: "белоземляки", приехавшие в США после революции, вторая волна состояла из перемещенных лиц, приехавших в США после второй Мировой войны, и третья волна, состоящая в основном из евреев, иммигрировавших на основании поправки Джексона-Вэника.

Одним из основных источников русофобии, с которым Конгресс русских американцев столкнулся тогда и продолжает сталкиваться сейчас, была так называемая «Резолюция о порабощенных народах». "В рамках стратегии холодной войны Соединенных Штатов в 1959 году в соответствии с законом 86-90 президентом Дуайтом Д. Эйзенхауэром была создана антикоммунистическая пропагандистская группа "Национальный комитет порабощенных наций".⁸

Я думаю, что эта статья в Википедии совершенно права, так как в ней говорится: "Русские эмигранты в США (в частности, представители Конгресса русских американцев) утверждали, что [Неделя порабощенных народов](#) была скорее антироссийской, чем антикоммунистической, поскольку в список "порабощенных народов" не входили русские, подразумевая, что вина за угнетение наций лежит на русском народе, а не на советском режиме (причиной этого были названы якобы украинские националистические взгляды Добрянски)".

В статье Википедии также верно указано, что такие видные американцы русского происхождения, как [Григорий Чеботарев](#), [Степан Тимошенко](#), [Николай Рязановский](#), [Глеб Струве](#), [Николай Тимашев](#), были среди противников закона № 86-90. Более того, [Джордж Ф. Кеннан](#) (1904-2005), выдающийся американский стратег времен холодной войны, который в конце своей жизни имел мужество осудить расширение НАТО, также решительно возражал против закона № 86-90.⁹

⁸Я писал критику закона как на английском, так и на русском языках. Последнее см. здесь. Владислав Краснов. Закон о порабощенных народах как реликт Холодной войны. 14.12.2009 <https://www.apn.ru/publications/article22237.htm> См.также <http://www.csiorg.org/>

⁹ Расширение НАТО неразумно, и эти слова – не предательство. Статья Джона Глэйзера <https://www.cato.org/blog/nato-expansion-unwise-saying-so-isnt-treasonous>

На самом деле текст резолюции о поработанных нациях был составлен профессором [Львом Добрянски](#) (1918-2008), американским экономистом украинского происхождения. Он полон не только предвзятого отношения к русским и России как наднациональному образованию, но также исторических и этнических несоответствий в его списке народов, которые русские "захватили".

Хотя доктор Добрянски считается антикоммунистом, он умудрился упустить самую суть коммунизма как наднациональной идеологии и международного, по сути, глобального политического движения. Можно сказать, что это была новая светская религия, даже фанатичная, поскольку вера в атеизм и марксизм-ленинизм была обязательной для любой пропаганды в советском обществе.

Как и я, Осипов и Солженицын жили в стране, которую ленинские большевики захватили силой и обманом в ноябре 1917 года. Этнические русские не были преобладающими в большевистском интернационалистическом правительстве. Если говорить о том, каких народностей было больше среди руководящих должностей, то это были евреи, латыши и грузины (как Сталин)¹⁰. Но большевики составляли меньшинство даже среди своих народов. Как показали выборы в [Учредительное собрание](#), санкционированные компромиссным решением императора де-юре Михаила II в конце 1917 года, большевики едва набрали 25% голосов.¹¹ Они распустили Собрание и разогнали протестующих на улицах Петрограда с помощью огнестрельного оружия. Это был конец коммунистической "демократии" в России.¹²

Когда намеченная марксистская мировая революция не разгорелась, несмотря на [коммунистические восстания в Венгрии](#) (1918-1919) и [эксперименты Розы Люксембург и Карла Либкнехта в Германии](#), Ленин решил превратить земли бывшей Российской империи в плацдарм для распространения агентов и оружия для разжигания революций на других территориях. Карл Маркс предвидел мировую революцию, а [советский герб с Серпом и Молотом](#) ясно давал это понимать до самого конца СССР в 1991 году.

¹⁰ Что касается евреев, см. здесь [American Pravda: The Bolshevik Revolution and Its Aftermath - by Ron Unz 7/2018/ 8](#) <https://www.unz.com/runz/american-pravda-the-bolshevik-revolution-and-its-aftermath/> или <http://www.raga.org/news/american-pravda-the-bolshevik-revolution-and-its->

¹¹ Дональд Кроуфорд, [The Last Tsar: Emperor Michael II](#) <https://www.amazon.com/Last-Tsar-Emperor-Michael-II/dp/1466445009>

Для получения дополнительной информации о моей статье см. [Emperor Michael II in the Solzhenitsyn House - Author: Vladislav Krasnov. 7/16/2018](#) <http://www.raga.org/news/emperor-michael-ii-in-the-solzhenitsyn-house-author>

Оригинал на русском см. [Emperor Michael II in the Solzhenitsyn House - Author: Vladislav Krasnov. 7/16/2018](#) <http://www.raga.org/news/emperor-michael-ii-in-the-solzhenitsyn-house-author>

¹² Император Михаил II в Доме Солженицына <http://pereprava.org/culture/4127-imperator-mihail-ii-v-dome-solzhenicyna.html>

Между тем, все народы бывшей Империи - русские, украинцы, латыши, татары и т. д. должны были быть объединены и преобразованы в единую революционную нацию, так называемый советский народ, под эгидой марксистско-ленинской идеологии. Задача была грандиозной, и поэтому вся страна была превращена в одну огромную лабораторию в целях производства как бы новой породы человека – Хомо Советикус. Конечно, лаборатория должна была быть герметичной, не выпускающей никого наружу. Примерно до 1973 года лабораторию изо всех сил старались сохранить изолированной. Но затем была принята поправка Джексона-Вэника, позволившая тысячам советских евреев уехать.

Я бы порекомендовал читателям ознакомиться с книгой профессора Андрея Цыганкова «Русофобия: антироссийское лобби в США».¹³ Г-н Цыганков довольно долго занимал пост профессора Государственного университета Сан-Франциско и хорошо осведомлен в тонкостях обеих сторон.

Что касается Конгресса русских американцев, мне посчастливилось встретиться с его тогдашним президентом Петром Николаевичем Будзиловичем (1926-2019) и вице-президентом [Георгием Борисовичем Ависовым](#). Оба были выдающимися личностями. Ависов жил недалеко от Монтерейя по дороге в Сан-Франциско, где он также был редактором российской газеты "Русская жизнь". Общаясь с ним, я увлекся деятельностью конгресса, стал больше писать на его темы, и, в конце концов, был приглашен в Правление Конгресса.

По мере расширения политики гласности и перестройки при Михаиле Горбачеве, активизировалась деятельность Конгресса, включая создание отделения связи в Вашингтоне, округ Колумбия, созданное, чтобы иметь возможность сообщать о наших проблемах официальным лицам США. Если мне не изменяет память, в конце 1989 года перед нами выступил известный американский экономист, [Милтон Фридман](#) (1912-2006), лауреат [Нобелевской премии 1976 года в сфере экономики](#) и гуру неолиберальной экономики, которая в то время набирала популярность. Зная об антикоммунистических и консервативных настроениях нашего состава, он, по сути, сказал нам, «что Карл Маркс ошибался, а прав был Адам Смит (1723-1790), а социалистическая экономика СССР в упадке».

Я был особенно рад, что исследования профессора Фридмана были связаны с [Чикагским университетом](#), где в 1966 году началась моя американская одиссея в качестве приглашенного научного сотрудника по изучению славянского региона.

Однако Конгресс потерпел неудачу в наших попытках отговорить американские СМИ от использования слова "русский" в основном в негативном значении, в то время как "советский" был чем-то позитивным и даже достойным восхищения. По иронии судьбы, новая волна русофобии

¹³ [Андрей Цыганков](#) (2009). *Русофобия: антироссийское лобби в США*. Palgrave MacMillan. ISBN 978-0-230-61418-5

последовала за поправкой Джексона-Вэника, которая сама по себе была позитивным шагом в борьбе за права человека в СССР. Уже в середине 1970-х годов начали поступать постоянные сообщения о необычайном росте числа вопиющих преступлений в [Брайтон-Бич](#) и его окрестностях – городе, где поселились тысячи бывших советских евреев.

Без сомнения, большинство из них были порядочными людьми, бежавшими от деспотичного советского режима. Некоторые поселились в Израиле, но многие также в США, чтобы лично увидеть страну, которую годами порочила советская пропаганда. Однако трудно представить, что КГБ мог упустить эту редкую "законную" возможность, чтобы избавиться от советских преступников, а также внедрить своих собственных агентов.

Насколько я знаю, был только один автор, который честно попытался избежать этнических оскорблений даже в названии своего раннего эксперимента, имеющего целью разобраться в истоках преступности на Брайтон-Бич. Им был Роберт Фридман, автор книги «Красная мафия» (ROBERT I. FRIEDMAN RED MAFIYA JEWISH OR RUSSIAN MAFIA?)¹⁴

Это был чуть ли не единственный случай, когда слово “еврей” дополняло вездесущее "русская мафия" в советском контексте. Это тем более примечательно, что в остальном [еврейская организованная преступность](#) хорошо известна в Соединенных Штатах и даже гордится тем, что действует в глобальном масштабе.¹⁵ Более того, как я уже писал ранее, есть основания полагать, что криминальное гнездо Брайтон-Бич сыграло важную роль в возникновении олигархической системы в России.^{16 17}

¹⁴ Роберт Фридман, «Красная мафия»

<http://robert-friedman-red-mafiya.blogspot.com/>

¹⁵ **Sighing-and more- at the Secrets of Jewish Genius: Vladislav Krasnov’s Rebuttal to Bret Stephens’s The New York Times’ article. 4/23/2020 Comments**

<http://www.raga.org/news/sighing-and-more-at-the-secrets-of-jewish-genius-vladislav-krasnovs-rebuttal-to-bret-stephenss-the-new-york-times-article> See also Sighing at the Secrets of Jewish Genius

Rebuttal to Bret Stephens’s The New York Times Column. [VLADISLAV KRASNOV](#) • FEBRUARY 3, 2020

• 10,000 WORDS • [251 COMMENTS](#) • [REP](#)

¹⁶ **[Why Recent Court Verdicts against Russia Have No Merit. By W. George Krasnow 8/7/2014](#)**

LAGA president W. George Krasnow at The Voice of Russia. Live Debate “Legal Scourge from the West: What’s Behind the Epidemic of Lawsuits against Russia”. <http://www.raga.org/news/why-recent-court-verdicts-against-russia-have-no-me>

¹⁷ **[Why Recent Court Verdicts against Russia Have No Merit. By W. George Krasnow 8/7/2014](#)**

LAGA president W. George Krasnow at The Voice of Russia. Live Debate “Legal Scourge from the West: What’s Behind the Epidemic of Lawsuits against Russia”. <http://www.raga.org/news/why-recent-court-verdicts-against-russia-have-no-me>

XXIII. Продвижение русского дела Центром современных российских исследований

Мои усилия по академическому продвижению русского дела в Монтерейском институте получили мощный толчок развития в 1987 году в связи с назначением нового профессора для преподавания политических наук. Новым профессором политологии в институте стал [Николай Петро](#).¹⁸ Доктор Петро был молодым и очень энергичным человеком смешанного немецко-русского происхождения, получившим хорошее образование в Соединенных Штатах. Довольно космополитичный по своей сути Монтерейский институт международных исследований казался Николаю идеальным местом для начала своей карьеры.

И он не ошибся. В течение нескольких недель после своего приезда он организовал выставку российских эмигрантских журналов, в том числе "Посев", "Грани" и "Континент", в которых раньше публиковались такие диссиденты, как Осипов и Андрей Амальрик, но теперь все чаще публикуются новые свободомыслящие советские авторы, появившиеся на волне политики перестройки и гласности. Появлялись в этих журналах и мои статьи, теперь студенты Монтерея получили прямой доступ к советскому и российскому инакомыслию.

Главным вкладом профессора Петро стало его предложение упрочить аспирантуру института путем создания Центра современных российских исследований (CCRS). Я с большим энтузиазмом поддержал его предложение, потому что его акцент на "современности" и "русскости" был именно тем, в чем нуждался наш институт (и США в целом), в то время, поскольку тогда авторитет коммунистической идеологии в СССР подвергался сомнению, но национальной альтернативы еще не было сформулировано, кроме трудов таких людей, как Солженицын и Осипов.

Создание Центра современных российских исследований сделало мою цель продвижения русского дела более реалистичной, а не "абсолютно безнадежной", как считал Солженицын. Смешанное происхождение профессора Петро также было преимуществом. Он хорошо знал русский, но в то же время был настоящим американцем по своему образованию, языку и культурным традициям. Кроме того, он женился на хорошо образованной американке Элисон, которая охотно училась на наших курсах русского языка. Вскоре у Николая и Элисон родился сын, и они крестили его в Церкви Святого Серафима в Монтерее.

Преподавая курсы политологии на английском языке, Николай смог расширить круг студентов, знакомых с реалиями СССР. Издательская программа Центра также была в проекте создания.

¹⁸[Nicolai N. Petro](#) is the Silvia-Chandley Professor of Peace Studies and Nonviolence (2017-2019) and Professor of [Political Science](#) at the [University of Rhode Island](#), in the United States. He also served as the [US State Department](#)'s special assistant for policy on the [Soviet Union](#) under President [George HW Bush](#).
https://en.wikipedia.org/wiki/Nicolai_N._Petro

XXIV. Публикации Центра современных российских исследований

За три года своего существования Центр современных российских исследований опубликовал целую серию книг, направленных на достижение главной цели - лучше подготовить американцев к переменам, которые, как мы надеялись, положат конец СССР как идеологическому марксистско-ленинскому тоталитарному государству и превратят его в новое государство, основанное на духовных, культурных и политических традициях, существовавших до 1917 года. Достаточно указать названия и авторов, некоторые из которых являются русскими эмигрантами, другие - независимыми советскими гражданами.

Христианство и русская культура в советском обществе, Издание 1-е, в редакции Николай Петро: <https://www.amazon.com/Christianity-Russian-Culture-Soviet-Society/dp/0367013061>

Христианство и власть в России и Советском Союзе: размышления о Тысячелетии. Авторство: Сергей Пушкарев, Владимир Русак и Глеб Якунин. Боулдер, Колорадо: Westview Press, 1989.
<https://academic.oup.com/jcs/article/32/1/127/959974>

Самоуправление и свобода в России (СЕРИЯ CCRS ОБ ИЗМЕНЕНИЯХ В СОВРЕМЕННОМ СОВЕТСКОМ ОБЩЕСТВЕ) Издание 1-е/ Автор – Сергей Пушкарев <https://www.amazon.com/Self-government->

Раздумья о России, Издание 1-е, автор – Д.С. Лихачев
<https://www.amazon.com/Reflections-Russia-Dmitrii-S-Likhachev/dp/0367300818>

Все это были выдающиеся книги видных русских авторов, как из русской эмиграции, так и из СССР. Все они считали, что США и их западные союзники не только должны перестать бояться возрождения национального мышления в СССР, но и должны приветствовать его как благоприятную и реальную альтернативу тоталитарному коммунизму, который явно дал трещины при гласности Горбачева.

Следующей в серии была моя собственная книга "Новая Россия: от коммунизма к национальному возрождению" (СЕРИЯ CCRS ОБ ИЗМЕНЕНИЯХ В СОВРЕМЕННОМ СОВЕТСКОМ ОБЩЕСТВЕ), Издание 1-е, автор - Владислав Краснов. <https://www.amazon.com/Russia-Beyond-Communism-Chronicle->

XXV. Михаил Хейфец в Монтерее

Вернемся к середине 1980-х годов, и вновь усомнимся в утверждении Солженицына, что вызвать симпатии среди американцев к русскому делу якобы абсолютно безнадежно. Действительно, если мне удалось защитить таких известных российских деятелей, как Солженицын и Глазунов, от случайных, но все еще злобных обвинений в антисемитизме, насколько велика вероятность, что аналогичные выпады были бы сделаны против

Владимира Осипова, моего близкого друга по Московскому университету, который стал открытым представителем национальной идеологии русских "философов-славянофилов и Достоевского"? В свое время клевету возводили и на самого Достоевского.

Со студенческих лет я не помню, чтобы Осипов когда-либо говорил о евреях с ненавистью, даже когда замечал их привилегированное положение среди большевиков и в советской культурной жизни. Я также не заметил никаких антиеврейских высказываний в его публикациях в самиздате. Как развивалась ситуация потом? Что, если мне удастся пригласить его выступить перед моими американскими студентами, и он будет извергать один негатив? На самом деле, у меня было несколько аспирантов из числа новых еврейских иммигрантов и даже два преподавателя, с которыми я прекрасно ладил. Также известный поэт-диссидент Наум Коржавин однажды приезжал в Монтерей и был почетным гостем в нашем доме.

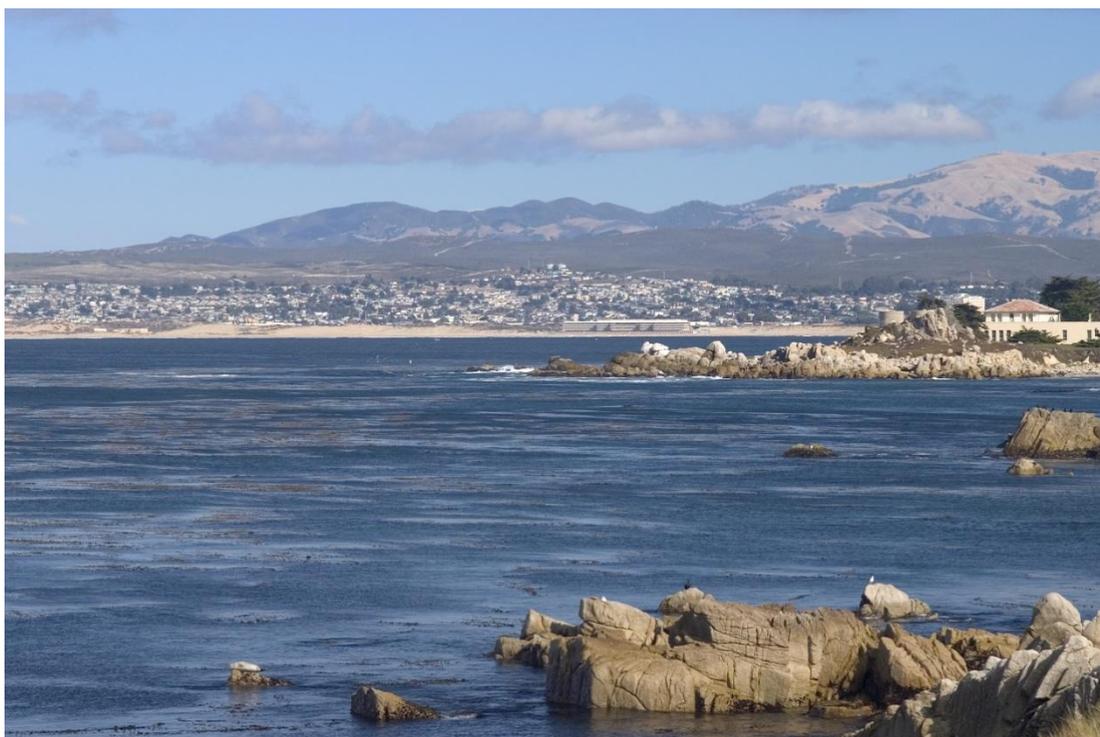
К середине 1980-х годов контакты с СССР активизировались. Мой родной старший брат, которого я не видел с 1962 года, когда я бежал, приехал навестить мою семью в Монтерее с трехнедельным визитом. Я пришел к выводу, что моя книга "Советские перебежчики" оказала благотворное влияние на советскую систему правосудия, и они больше не приписывают грехи одного члена семьи остальным членам.

Одним из таких хороших предзнаменований была случайная встреча на пляже залива Монтерей в середине 1980-х годов с человеком, который близко знал Осипова в далеко не самое лучшее время для обоих. Это был Михаил Хейфец, который провел по меньшей мере пару лет в том же лагере ГУЛАГа, где Осипов отбывал свой второй 8-летний срок. Я познакомился с Хейфецем в середине 1980-х годов в [Монтерее](#), еще до того, как смог пригласить туда своего друга Осипова. То, что мы встретились случайно, было тем более примечательно. Это было на [пляже залива Монтерей](#). Каждый из нас пришел на пляж со своей целью, прогуляться либо осмотреть окрестности. Вокруг почти не было людей, так как погода стояла довольно прохладная. По его внешнему виду и поведению я заключил, что незнакомец, должно быть, мой соотечественник, и завязал с ним разговор. Через минуту мы обнаружили, что говорим об СССР на одной волне, и в центре внимания нашей беседы была дружба между евреем Михаилом Хейфецем и русским Владимиром Осиповым.

Я был рад услышать от Михаила, что он очень высокого мнения об Осипове и как о человеке большого мужества, и как об инициаторе самиздатских журналов, который продвинул ненасильственную эволюцию России от тоталитарной советской модели. Разговор длился не более 15 минут, так как Михаилу пришлось вернуться к своей принимающей стороне – преподавателям [Военного института иностранных языков \(DLI\)](#), здание которого было видно с пляжа. Случайная встреча с Михаилом Хейфецем еще больше мотивировала меня пригласить Осипова выступить в качестве докладчика в [Монтерейском институте международных исследований](#).

Если хотите прочитать работу Осипова на русском языке, можно это сделать на сайте Сахаровского центра: найдите имя Осипова в длинном списке тех, кто писал о ГУЛАГе <https://www.sakharov-center.ru/asfcd/auth/?t=listst>

Одним из таких авторов является [Михаил Рувимович Хейфец](#), выдающийся советский диссидент, отбывавший заключение в одном трудовом лагере с Осиповым. Хейфец был приговорен к четырем годам каторжных работ за «пропаганду» поэзии [Иосифа Бродского](#), а также пророческой работы [Андрея Амальрика](#) "[Просуществует ли Советский Союз до 1984 года?](#)"



Залив Монтерей.

Теперь я рад сообщить, что, как только я начал свое исследование для написания статьи памяти Владимира Осипова, скончавшегося 20 октября 2020 года от COVID-19, я обнаружил, что именно Хейфец оставил один из лучших и довольно подробных материалов о четырех годах, которые он отбывал в [Дубравлаге](#) примерно в одно и то же время с Осиповым.

Хейфец опубликовал трехтомник воспоминаний. Книга написана на русском языке, но недоступна, так как была опубликована в 2000 году в Харькове, Украина. На русском ее можно прочитать онлайн в [Сахаровском центре](#) в Москве, для этого зайдите на сайт и найдите в списке Михаила Хейфеца <https://www.sakharov-center.ru/asfcd/auth/?t=list> Почитайте, и вы узнаете больше об Осипове и системе ГУЛАГа!

В первом томе трехтомного сборника Хейфец посвятил Осипову несколько глав. Одна из них называется "Русский патриот Владимир Осипов". Прочтите эти емкие строки: "Осипов, по-моему, — национальный

тип русского характера. Сила его часто не в глубине, тонкости или логичности, она — в страстности, в отчаянности поисков Духа, иногда вопреки Разуму. Осипов, по-моему, далеко не всегда прав, но он честен. Когда он заблуждается, он заблуждается как глубоко верующий человек, не как хитрый демагог". <https://www.sakharov-enter.ru/asfcd/auth/?t=page&num=9178>

К сожалению, Хейфец [умер в Израиле](#) в ноябре 2019 года. Однажды я видел, как он давал интервью российскому телеканалу в Москве, и тогда он был в полном здравии. Увы, теперь мне приходится посылать соболезнования его семье через интернет. Должен также признаться, что вскоре после нашей случайной встречи в Монтерее я получил дружеское поздравление Михаила с открыткой из Израиля. Перед расставанием мы договорились "поддерживать связь". Он сдержал обещание, но я не смог. Я очень сожалею и прошу у него прощения.

Инцидент с Хейфецом определенно ускорил реализацию моего давнего плана пригласить Владимира Осипова в Монтерей, чтобы он выступил хотя бы перед моим классом. Несмотря на то, что во время нашего диссидентского студенчества в Московском университете я никогда не слышал ни одного ненавистного слова о евреях от Осипова или кого-либо из наших коллег, я также знал, что обвинения в "антисемитизме", обычно в форме намеков, слухов или предполагаемая «вина по ассоциации» для всех национально настроенных этнических русских, является обычным делом с начала 1900-х годов. То есть, если они не являются настоящими коммунистами, пролетарскими интернационалистами или марксистами. Хотя, даже несмотря на это, сам Маркс, этнический еврей, не избежал нападков с их стороны, наблюдая за преданностью "приверженцев Шаббата" Золотому Тельцу.

Теперь, защитив и Солженицына, и Глазунова от обвинений в антисемитизме, я, безусловно, был готов сделать то же самое для Осипова. Однако я решил сделать все, чтобы подобные обвинения не всплыли на поверхность, чтобы не задеть чувства Осипова и не испортить его впечатления о США, а также для того, чтобы дать моему классу точное представление о русских диссидентах национального направления. Разумеется, мне совсем не нужно было, чтобы где-то писали, что профессор Монтерейского института международных исследований спонсировал "антисемитского" оратора.

Первым делом я обратился к Барбаре Футтерман, представителю организации Freedom House в Вашингтоне, округ Колумбия, чтобы узнать, может ли ее организация предоставить финансирование для поездки. Я уже встречался с ней на профессиональной конференции в Нью-Йорке и в частном порядке поинтересовался шансами Осипова получить поддержку. Я откровенно упомянул, что он русский националист и, будучи таковым, он может быть подвержен возможным обвинениям в антисемитизме. Она ответила, что Freedom House не судит заявителей по слухам и что, поскольку

Осипов дважды был помещен в тюрьму за свои ненасильственные убеждения, он был настоящим "узником совести", и его заявление будет рассматриваться наравне с остальными.

И тогда, вместо того, чтобы действовать в одиночку, я решил объединить усилия с двумя моими старыми коллегами, чьи работы я упомянул в своей статье 1979 года "Владимир Осипов: от атеизма к христианству". Речь идет о докторе [Джоне Данлопе](#), ныне сотруднике Гуверовского института, который в своей книге "[Новые русские революционеры](#)" («The New Russian Revolutionaries») представил более широкий контекст обращения Осипова в христианство, сосредоточив внимание на основателе [ВСХСОН Игоре Огурцове](#), (<https://ru.wikipedia.org/wiki/Огурцов>), [Игорь Вячеславович Леониде Бородине](#) (1939-2011) и других "христианских революционерах". Второй коллега - это Даррел П. Хаммер (1930-1998), автор статьи об Осипове, опубликованной в журнале "The Russian Review" в 1985 году.¹⁹

XXVI. Володя Осипов в Америке

Если мне не изменяет память, к концу 1989 года мы отправили нашу тройную заявку на выступление Владимира Осипова в США Барбаре Футтерман в организацию [Freedom House](#). В начале 1990 года мы узнали, что она была одобрена. Затем в Блумингтоне, Стэнфорде и Монтерее разработали взаимно удобное расписание и отправили его Осипову. Вскоре мы узнали, что середина мая была подходящим временем для его недельного путешествия по Америке, в программу которого входили три выступления в классе профессора Даррела П. Хаммера (1930-1998) в Университете Индианы, в группе советологов доктора Данлопа в Гуверовском институте в Стэнфорде и в группе из примерно двадцати аспирантов отделения русского языка в Монтерейском институте международных исследований.

Поскольку я тогда был в творческом отпуске, выполняя последний проект ныне несуществующего Центра современных российских исследований, я нашел время съездить в Стэнфорд, и побыть в роли переводчика во время выступления Осипова в Гуверовском институте. В тот же день я отвез оратора в Монтерей, чтобы он переночевал в доме моей семьи, и на следующий день выступил в Монтерейском институте. Находясь в творческом отпуске, я уступил кафедру профессору Натали Ловик и отправился домой, чтобы подготовить небольшой прием. Натали была из старой русской эмиграции, которая никогда не бывала в СССР, но хорошо знала язык.

¹⁹ Vladimir Osipov and the Veche Group (1971-1974): A Page from the History of Political Dissent Darrell P. Hammer. The Russian Review. Vol. 43, No. 4 (Oct., 1984), pp. 355-375 (21 pages) <https://www.jstor.org/stable/129530?seq=1-->

На следующий день я узнал из The Courier – газеты кампуса своего института – что лекция прошла очень хорошо. Статья, написанная Марией Сандин, была на первой полосе газеты. Она называлась "От звонка до звонка" (From Bell To Bell), что подразумевало полный срок «отсидки» Осипова в ГУЛАГе (в общей сложности пятнадцать лет). На самом деле там было две статьи: рецензия на его выступление и комментарий. Материал был озаглавлен "Говорит советский диссидент" (Soviet Dissident Speaks) и содержал расширенный обзор его выступления.

Soviet Dissident Speaks

From Bell To Bell

by Maria Sundeen

The focus of political development in the Soviet Union has been mainly economic; however there is a more important foundation to lay. The spiritual foundation is where the country has been most devastated, and this is where the political emphasis must be, said Vladimir Osipov, a noted Soviet dissident.

The former Soviet prisoner spoke about his experiences as a dissident and the condition of the Soviet people to a crowd of about 30 on Monday, April 9 in a forum sponsored by the Monterey Institute Russian Club, and again on Tuesday to a Russian Studies class. Currently touring the United States on speaking tour, Osipov has lectured at the Smithsonian Institute's Kennan Institute, Stanford's Hoover Institute, Indiana University and the UN among other places.

Osipov reflected on the decline of moral spirit in Soviet society and described his grief for the soul of a people who have been "paralyzed by years of torture, fear and terror."

He described the ills of Soviet society as symptoms of the demoralized state of the people. Health, moral standards, individualism and economic conditions have deteriorated to such an extent that he feels

any progress in the political structure will not be able to surmount these diseases and will thus be seriously hindered. He saw alcoholism as a major obstacle to overcome, as there are some 40 million alcoholics within the country.

"It is so bad, people drink cologne, acetone, and toothpaste as a substitute, and steal laundry to buy alcohol," Osipov said.

The disintegration of the family is one of the most serious problems for the Russian people now, Osipov said. Fifty-six percent of Russian families have only one child, and if this trend continues it will lead to the extinction of the Russian people.

Osipov's dissatisfaction with the current themes of progress has culminated in the formation of the Christian Renaissance Party, a group organized to promote the rebirth of Russian Orthodox Christianity, an influence over 1,000 years old, and to foster national consciousness.

"The perestroika changes have not been codified, and could change orientation anytime, with any whim," Osipov said. "The people have been brought up in a non-spiritual, ignorant and nihilistic atmosphere where individualism, personality, freedom of will and independent judgment

see DISSIDENT page seven

DISSIDENT from page one

were suppressed." This lack of spiritual consciousness and the absence of ideals has led to our problems and the growing rate of suicide and crime, he added.

Although religious in orientation, Osipov stated explicitly that his organization advocates no specific religion in terms of policy, and insists on separation of church and state. The need for strong spiritual guidance is such that the Russian people need to lead the way solely to fundamentals in the political arena, he said.

His group advocates maintaining the Union, pluralism, both politically and socially, gradual economic change, freedom of conscience and the rebirth of Russian Orthodox spirituality.

He added that the Russians, who make up the majority ethnic group in the Soviet Union, have a great responsibility. Other nationalities have the same problems and parallel goals, insofar as it is important to allow freedom, but retain the idea of unity. "For both communists and non-communists secession will lead to strife and civil war," he said. He added that, the Russian people must fall back on their roots to find their future.

Osipov first began his political career as the publisher of *Vecher* (which denotes democratic town gatherings under the tsars), an underground, or *samizdat* publication. After three years and nine issues, Osipov was arrested for subversive activity.

"I did not regard these publications as underground or subversive. I published these with my name, address and phone number on the front," he said.

Topics ranged from theology to Russian history, Russian philosophy, the preservation of nature and cultural monuments, and the problems of the democracy movement.

The government did not know what to do about this "non-political" publication. According to Osipov, there was no constitutional pretext for dealing with this.

"This was the beginning. 'Glasnost by fiat.' But they were not political in the Western sense. We considered ourselves followers of Dostoyevsky and the Slavophiles."

Those themes, the problems of the moral and ethical state of people and their environment, were aimed at reviving the national consciousness and the spirit of the Russian nation.



TAK SUKANE/Courier

Soviet dissident Vladimir Osipov

Moving from an embryonic political consciousness to a concept of moral consciousness was a natural progression, Osipov said, considering the moral state of the people. His dissatisfaction grew so that his desire for change led him to publish his first *samizdat* in January 1971.

After his first arrest and going from "bell to bell", a term for serving a full sentence, Osipov was ostensibly freed; but his civil rights were severely restricted and he had no opportunity to return to Moscow, to travel outside of his restricted area, to continue working in his trained profession, or to even visit his mother without prior government approval.

In spite of these obstacles, Osipov returned to publishing *Vecher* and was able to maintain country-wide distribution of the publication. "Even the KGB interrogators were impressed with the breadth of the distribution," he said.

This popularity evoked political wariness because of its

suggestion of power. "[This was] how Lenin began his support movement, but Lenin's called for the destruction of the existing regime. We did not," Osipov stated. Despite this, the magazine was labeled "anti-Soviet" by KGB chief Yuri Andropov.

In defiance, Osipov started up a new publication, *Zemlya* (earth). Because of the popularity of his movement, he was invited by Amnesty International to lecture in West Germany, but declined the invitation. "They would have liked any excuse to get rid of me, but I did not want to abandon the publication."

Zemlya is still in distribution, and represents only one of "three hundred other magazines of this type, perhaps more."

Editor's note: Pam Clark provided additional information for this article.

PRIORITIES from page six

commitments to this institution. Invest in responding to our needs for quality facilities so that we can produce the quality which this school is supposed to be all about. This is what I recommend to the administration. To the students, staff, and faculty, I encourage you to coordinate your efforts to keep improving the school and hold the administration accountable for their professed commitment to competitive salary increases. Many of you have been or will be educated in public administration. What is the sense of learning theory when right before us there needs to be better practice?

Corinne Borel, IPS

INTERPRETERS from page three

In light of its rapid growth and the worldwide enthusiasm over the Language Line, Sottung believes it will not be long before AT&T sets up divisions on the East Coast, in Europe and in Hong Kong. He also sees the necessity for in-house translators in the near future. Subscriptions to the service by international businesses continue to multiply, and the use of AT&T to translate company manuals and brochures has become more popular.

Editor's note: Sottung is hoping to add to AT&T's "Monterey Institute contingent" and will be on campus April 18 and 19 to pass along information, answer questions, and arrange testing times for interested students. For more information and sign-ups, see Jeff Wood in the Career Development Office.

Ниже приведена страница, которую сами студенты вызвались написать. Визит был настолько суматошным, что письмо не удалось повторно вставить в мое благодарственное письмо в Москву. Володя был безмерно рад, а я испытывал гордость за наших американских студентов.

Monterey Institute of International Studies

17-го мая 1990 ~

Этот визит в Монтерей - спасибо за Ваш гостеприимство - Н. Н. Лобин

Дорогой Владимир Николаевич!



От имени студентов и аспирантов института, Русского клуба и членов Монтерейской общности, мы хотим бы

поблагодарить Вас за то, что Вы двараца поделились Вашими письмами и опытом. Слышать из первых рук Вашу историю и видеть Вашу верность идеалам при жестких обстоятельствах - это вдохновило нас на более глубокое изучение России. Ваша преданность русскому народу и Ваша готовность защищать культурное наследие наши достойное стремление в Ваших сочинениях и в политической программе.

Прилагаю к письму экземпляр нашей студенческой газеты "Курьер" в которой содержится интервью с Вами.

Мы надеемся что Ваше путешествие по США оставило у Вас приятные впечатления.

Мы хотим бы продолжить контакты с Вами. Мы желаем Вам счастья, успеха, здоровья и прописку в Москве!

С дружеским приветом,

Thank You
Jeff Walsby

полное Вам спасибо! и беседе стали более живыми открытыми и теплыми! Всего хорошего Тамара Кларк

Спасибо,
Мишель Лобанская

Спасибо за Ваш гостеприимство - Илья Тресман
Спасибо Большое Кристина Север

Презентация Осипова была настолько успешной, что через несколько часов после мероприятия студенты написали коллективное письмо на русском языке, адресованное докладчику. Однако к тому времени я уже отвез Осипова обратно в Стэнфорд, и Наташа Ловик любезно передала мне копию коллективного благодарственного письма, написанного от руки на сайте бывшего Центра современных российских исследований, который после ухода профессора Петро был переименован в Центр российских и советских исследований (Center for Russian and Soviet Studies). Во всяком случае, это письмо было полно благодарности докладчику за то, что он по-новому взглянул на быстро развивающиеся политические реалии в СССР.

Мне особенно понравились краткие личные мнения, которые студенты оставили на полях письма от руки. Я сохранил это письмо. Время от времени я перечитываю его, чтобы убедиться, что мои настойчивые усилия заставить Володю поговорить с американцами окупились. Я чувствовал, что был возведен крошечный мост дружбы между двумя могущественными державами. Даже Солженицын согласился бы с тем, что мое несогласие с его мрачным предсказанием оправдало себя.

XXVII. Постскрипtum: Новая Россия: от коммунизма к национальному возрождению

Мои размышления были связаны не только с Владимиром Осиповым. Скорее он был неотъемлемой частью мощной движущей силы, имеющей историческое значение. Как только [Михаил Горбачев](#) пришел к власти, я почувствовал, что на моей родине грядут кардинальные перемены, способные изменить мир. Мой друг по Московскому университету с 1955 года Владимир Осипов указал на главный вектор перемен – от атеизма к христианству. Или, точнее, от фанатичной преданности "прогрессивной" западной "науке" марксизма-ленинизма ко всем тем сокровищам русской духовности, культуры и государственности, которые накопились за тысячелетнюю историю.

Не зря я посвятил свою новую книгу тысячелетию принятия русского христианства, которое отметили в 1988 году в условиях гласности довольно открыто. Люди на Западе склонны забывать, что почти до самого распада СССР советским солдатам русского происхождения не разрешалось носить крест, евреям и мусульманам также не разрешалось демонстрировать свои религиозные символы. Короче говоря, свободы совести не существовало для миллионов советских граждан после большевистского переворота в ноябре 1917 года. По сути, холодная война была не просто противостоянием между различными экономическими и политическими системами, то есть социализмом против капитализма или однопартийной тоталитарной диктатуры против многопартийной демократии. Прежде всего, это было противостоянием между атеистами СССР и агностиками западных стран, где

вера в бога неуклонно снижалась, по крайней мере, со времен Первой мировой войны.

Жители Запада склонны недооценивать степень интеграции различных наций и этнических групп царской России, а также религиозные свободы, которыми они пользовались. Например, одним из лучших боевых подразделений в Первой мировой войне была кавалерийская дивизия, которая вошла в историю под броским названием "Дикая", состоявшая из добровольцев практически всех мусульманских национальностей Северного Кавказа с небольшим количеством русских казачьих офицеров. Командовал дивизией [младший брат царя Николая II великий князь Михаил](#), который сам находился в подчинении у генерала [Гусейна Хана Нахичеванского](#).

В 1915 году американский репортер Уильям Уошберн посетил кавалерийскую дивизию на передовой и написал блестящий отчет не только о ее военной доблести, но и о демократическом духе, который великий князь Михаил культивировал среди своих подчиненных.²⁰ Советую также обратить внимание на книгу "Дикие эскадроны" – автобиографию, написанную одним из бойцов, русским казаком Сергеем Курниковым, который позже эмигрировал в США.²¹

Самым мощным воплощением направления перемен при Горбачеве был Александр Солженицын. Он в полной мере ощутил на себе реалии сталинизма как до, так и во время войны, а также ГУЛАГа, включая секретную научную работу в лаборатории "шарашка". Он также сочетал большой литературный талант с навыками математического мышления, столь любимыми Пифагором.

К сожалению, профессор Петро в 1989 перешел в другой университет. Я остаюсь в долгу перед ним, во-первых, за то, что он включил мой книжный проект в издание от Центра современных российских исследований. Во-вторых, я благодарен его выпускнику, который помог мне с исследованиями, редактированием и форматированием книги.

Я позаботился о том, чтобы книга включала обсуждение фундаментальных статей Солженицына, предлагающих эволюционный ненасильственный путь выхода из коммунистического тупика. Одной из таких работ было его "Письмо вождям советского союза" 1973 года, которое они проигнорировали. Другой была статья Солженицына 1990 года о том, что следует сделать, дабы возродить Россию - «Как нам обустроить Россию?». Наконец, в Приложение 2 я включил свою собственную статью

²⁰Смотрите мою книгу на русском о движении в России за признание великого князя Михаила последним императором де-юре: [Пермский крест: Михаил Романов сборник статей Владислава Краснова, 2006-2011](#) . Esp. page 24

https://rusneb.ru/catalog/000200_000018_RU_NLR_BIBL_A_011197416/

См. также [Donald Crawford, The Last Tsar Emperor Michael](#). <https://www.amazon.com/Last-Tsar-Emperor-Michael-II/dp/1466445009>

²¹[Savage squadrons, 1935. By Sergei Nicholas Kournakoff](#) (Author)

<https://www.amazon.com/Savage-squadrons-Sergei-Nicholas-Kournakoff/dp/B00085T50S>

"Почему не Солженицын?", перепечатку из газеты "The San Diego Union", в которой смел предположить, что Солженицын мог бы претендовать на то, чтобы подняться на вершину России, точно так же, как Лех Валенса сделал это в Польше.

И все же я видел главный вклад Солженицына не только в политическом и литературном, а в методологическом деле, поскольку он продвигал культуру диалога в стране, которая в течение 73 лет не слышала ничего, кроме одного бесконечно однообразного монолога Коммунистической партии. Пришло время открыть глаза и уши на другие мнения в стране.

Вот почему я не столько записывал свои собственные идеи и наблюдения, сколько пытался объединить голоса других людей в полифонический хор. В этом хоре можно услышать голоса таких писателей– "националистов", как Владимир Осипов, [Валентин Распутин](#) (1937-2017) и Виктор Астафьев (1924-2001), рядом с более либеральной популярной журналисткой [Аллой Латыниной](#). Там же и [Дмитрий Лихачев](#) (1906-1999), историк русской культуры и бывший заключенный [трудового лагеря](#), чьи работы Центр современных российских исследований был рад опубликовать; [Сергей Аверинцев](#) (1937-1994), профессор философии в моем родном Московском университете, а позже ставший постоянным прихожанином церкви; [Владимир Шубкин](#) (1923-2011), один из основателей постсоветской постмарксистской российской социологии;²² Юрий Карякин (1930-2011), литературный критик и общественный деятель, наиболее известный своей глубокой работой "Снова читая Достоевского";²³ Александр Ципко, бывший коммунистический функционер, который позже прозрел.²⁴

В начале 1991 года я закончил рукопись и отправил ее в то же издательство Westview publishers. В середине лета 1991 года я получил несколько свежих экземпляров как раз вовремя, перед полетом в Москву. Я прилетел в Москву в качестве делегата Первого Всемирного конгресса российских соотечественников, созванного Борисом Ельциным на две последние недели августа 1991 года. Ельцин тогда руководил Российской Федерацией в составе СССР. Этому конгрессу было суждено стать поворотным моментом мировой истории. Лучше всего это описано на

²²См. Владимир Шубкин, "Трудное прощание", стр. 135 в книге "Новая Россия: от коммунизма к национальному возрождению". Смотрите некролог Шубкину на русском языке в программе РАДИО СВОБОДА: *Владимир Шубкин – один из основоположников российской социологии* 28 марта 2011 <https://www.svoboda.org/a/3539666.html>

²³Биография Юрия Карякина <http://www.karyakinyury.com/en/bio.html>

²⁴Смотрите мое обсуждение статьи Ципко "Источники сталинизма", стр. 130- в книге "Новая Россия: от коммунизма к национальному возрождению". О его жизни и работе в Центральном комитете КП СССР <http://www.biografija.ru/biography/cipko-aleksandr-sergeevich.htm>

русском языке [Михаилом Толстым](#), главным организатором с советской стороны.²⁵

Это было первое воссоединение русских с тех пор, как [Ленин сослал "контрреволюционных русских философов" в 1922 году на борту парохода](#).²⁶ С 1922 года и вплоть до 1991 года общение советских граждан с "белыми" возбранялось и приравнивалось к контактам с агентами ЦРУ.

Теперь более 400 "беглых русских" приехали в Москву и собирались также посетить Ленинград. Они приехали из множества зарубежных стран: США, Франции, Германии, Аргентины, Израиля и Австралии. Некоторые из них были представителями русского дворянства. Но были в том числе казаки и калмыки, которые остались верны царю. Там были также потомки династий Романовых и таких дворянских семей, как Родзянко. Строго говоря, не все делегаты Конгресса были "белыми" или этническими русскими, но все они были верны памяти досоветской России.

Судьбоносно, что Конгресс открылся в день начала коммунистического переворота – 18 августа 1991 года. После подавления августовского путча Борис Ельцин, который тогда возглавлял Российскую Федерацию, выступил перед делегатами- «белоэмигрантами» и заверил нас, что «коммунистический эксперимент» закончен и красный флаг коммунизма будет заменен российским национальным триколором. После того, как Ельцин выступил в [Кремлевском дворце](#), мне посчастливилось подняться на сцену и вручить ему свежееотпечатанный экземпляр книги "Новая Россия: от коммунизма к национальному возрождению". Сказав ему, что недавние события были предсказаны в книге, я вручил ему экземпляр, с эпиграфом из - "Волхвы не боятся могучих владык".

²⁵[Первый Конгресс соотечественников](#). Текст научной статьи по специальности «История и археология» Толстой Михаил Никитич <https://cyberleninka.ru/article/n/pervyy-kongress-sootchestvennikov>

²⁶Философский пароход https://en.wikipedia.org/wiki/Philosophers%27_ships)

XXVIII. Возвращение домой



После окончания обширной программы этого конгресса в конце августа 1991 года в Москве, я наконец впервые смог вернуться в свой родной город Пермь – город-миллионник, расположенный сейчас по обе стороны реки Камы, крупнейшего притока Волги. Именно через Пермский край русский [атаман Ермак](#) (1532-1585) и его казаки пересекли Уральские горы в 16 веке и победили хана

Кучума, наследника монгольских завоевателей, тем самым заложив основу для экспансии России на Сибирь и Дальний Восток. Я приехал на Транссибирском поезде, на котором всегда ездил навестить родителей, когда учился в Москве.

Увы, с момента моего бегства и с тех пор, как я видел их в последний раз, прошло более 29 лет. Моя младшая сестра Люба, которая навестила мою семью в Монтерее осенью 1990 года, приняла меня в своей квартире, хотя я мог бы остановиться в отеле, любезно предоставленном правительством Ельцина.

Итак, чем мне заняться нескольких дней перед возвращением в Москву, а затем обратно в Монтерей?

Прежде всего, я должен был почтить память своих родителей, которые всегда поддерживали меня и моих трех братьев и сестер. Конечно, мое бегство в 1962 году стало для них шоком, лишь немного смягченным нашей постоянной перепиской, будь то в Швеции, США или Японии. Мои многочисленные попытки пригласить их к себе в гости в Америку оказались тщетными. По советским законам или, скорее, по дурным привычкам времен сталинской тирании "грехи" сыновей возлагались на их родителей. Не было даже намека на уважение к [Всеобщей декларации прав человека](#), по крайней мере, до поправки Джексона-Вэника 1973 года.

Теперь, в Перми, впервые с 1962 года, мне пришлось основательно подумать о том, как провести пять дней, которые были в моем распоряжении. Я посетил свою школу №21 имени [Сергея Кирова](#) (1886 – 1934), одного из самых высокопоставленных коммунистов. Я был приятно удивлен тем, что директор школы, похоже, знала, кто я такой, ибо она сразу же показала мне мою фотографию на школьном стенде, где меня наградили за хорошую успеваемость золотой медалью. Она также попросила меня обратиться к ученикам по-английски в классе английского языка.

Другая средняя школа, которую я знал, как № 11, пригласила меня на банкет в честь ее переименования в гимназию имени Сергея (1872 – 1929).

Это было оправданно, ведь семья Дягилевых владела зданием и школой до большевистской революции. Сейчас это [средняя школа №11 имени Дягилева](#).

Затем мне позвонил Виктор Шмыров, профессор истории в Пермском педагогическом институте, который поинтересовался, не могу ли я помочь переоборудовать один из барачков ГУЛАГа Пермь-36 в библиотеку политических репрессий²⁷. "Трудовой лагерь сейчас пуст. Здесь нет заключенных, и только охранники следят за недвижимостью. Они были бы рады получить немного денег на содержание", - утверждал он. Поскольку страна была близка к финансовому краху, до него, возможно, дошли слухи, что "профессор Краснов, как автор трех книг, может позволить себе все, что угодно". Они не знали, что в Америке никто не богатеет на написании академических книг.

Во всяком случае, слухи не прекратились, а всего лишь сменили полюса: "Краснов, может, и не богат, но дружит с Солженицыным, чьи книги являются бестселлерами на Западе". Позднее Шмыров настоял, чтобы я отвез его письмо Солженицыну по прибытии в США. В конце концов, Солженицын ответил напрямую Шмырову, который позже сказал мне, что он дал свое благословение, но отказался от участия, поскольку ему нужно было сосредоточиться на своем собственном [Фонде помощи политическим заключенным и их семьям](#).

Затем я отправился в Пермский государственный университет, чтобы передать в его библиотеку свою книгу ["Солженицын и Достоевский: искусство полифонического романа"](#). Также я вручил копию книги студенту, который, казалось, интересовался работами Солженицына. Приятным сюрпризом стало то, что в 2012 году русский перевод этой книги был размещен для бесплатного копирования на сайте [Пермского государственного университета](#).

В том же Пермском университете я столкнулся с Юрием Беликовым, талантливым поэтом и эссеистом, с которым я обменивался письмами с концов 1980-х годов. Однажды я вставил в письмо Беликову свое обращение к советским лидерам с просьбой принять Солженицына обратно и попросил Беликова о распространении этого послания. Опубликовать он смог только, увы, в малотиражном журнале с небольшим тиражом, так что мое обращение не имело практического эффекта.

Однако Беликов свел меня с другим человеком, [Рудольфом Веденевым \(1939-2018\)](#), известным пермским скульптором и художником, с которым мы быстро подружились.²⁸ Как только Беликов познакомил нас в студии Рудольфа, я узнал в нем соседа детства, известного мне просто как

²⁷[Шмыров, Виктор Александрович](https://ru.wikipedia.org/Шмыров, Виктор Александрович)<https://ru.wikipedia.org/Шмыров, Виктор Александрович>

Позже Шмыров преуспел в своем плане и стал директором музея "Пермь-36". Однако с 2015 года музей был реорганизован, и Шмырову, как его директору-основателю, грозило суровое наказание. Мемориальная группа российского трудового лагеря сталкивается с давлением. Май 15, 2015
<https://apnews.com/article/724221b4d8cc49a49f6e47e48589081f>

²⁸Наиболее полная информация о Рудольфе Веденеве доступна на русском языке в Сахаровском центре
<https://www.sakharov-center.ru/asfcd/auth/?t=book&num=1322>

Рудик, с которым мы мало общались, так как ходили в разные школы. "Я знаю, что вам нравится Солженицын, - начал Рудик, - так что вам, возможно, интересно будет знать, что я тоже был в ГУЛАГе". Потом он рассказал мне, что в начале 1970-х годов его самого и его друга арестовали за чтение самиздата.

Эта информация сразу же связала Рудика в моем сознании с Солженицыным и Осиповым. Его студия была полна скульптур, в числе которых были статуи [Осипа Мандельштама](#) (1891-1938) и Бориса Пастернака (1890-1960), а также мемориал Чукотскому ГУЛАГу. Теперь, воодушевленный его открытостью к запретным советским темам, я спросил его, знает ли он, что младший брат последнего царя Михаил был убит в Перми? Ответ его был отрицательным.

Затем я сказал ему, что, проведя более 29 лет за границей, я никогда не забывал о России, и кое-что узнал и от русских эмигрантов, и от американских ученых. "Помнишь, Рудик, как мы, будучи детьми, исследовали окрестности от улицы Ленина до улицы Коммунистической и реки Камы, от улицы 25 –го Октября до проспекта Карла Маркса возле [Пермского театра оперы и балета](#)? Однажды, когда мне было лет 5 или 6, я бродил по парку возле Оперного театра и остановился у аккуратного на вид здания на Карла Маркса № 5. Кажется, это был старомодный отель. У него было интересное название – Королевские номера. Но когда я открыл дверь, чтобы заглянуть внутрь, охранник быстро велел мне убираться восвояси.

Естественно, мое любопытство только усилилось. Дома спросил родителей, что же там такое. "Никогда не ходи туда и не задавай никаких вопросов. Те, кто это делает, долго не живут".

"Итак, по возвращении в Пермь в конце августа 1991 года я заказал сразу два мемориальных венка, один для моих дорогих родителей, а другой - в память о младшем брате царя Николая II великом князе Михаиле, которого я считаю последним императором де-юре. Так или иначе, и Николай, и Михаил стали жертвами беззакония и были канонизированы Русской Православной Церковью за рубежом, поэтому я приглашаю вас прийти завтра на церемонию возложения памятного венка к стене Королевских покоев". Рудольф не только согласился, но и вызвался пригласить нескольких бывших заключенных ГУЛАГа, а кроме того пригласил на церемонию и своего сына, который оказался священником православной церкви и мог бы возглавить нашу поминальную молитву.

Немедленным результатом стало краткое сообщение в местной пермской газете. Несколько месяцев спустя мои родственники установили мемориальную доску по моей просьбе для жертв большевистского беззакония – Михаила и для "Брайана Джонсона", его помощника и компаньона,²⁹ российского военного офицера смешанного иностранного происхождения, который был рядом с Михаилом из дружбы и верности.

²⁹Именно так мы писали его имя в ранних документах. Теперь некоторые приписывают ему французское происхождение и пишут его имя соответственно. Что не оспаривается, так это то, что, будучи Николаем

Вскоре была установлена официальная мемориальная доска. Она была сделана художником по фамилии Уральский Пермской академии живописи, ваяния и зодчества. Для получения более подробной информации и фотографий смотрите мою статью: Император Михаил II в Доме Солженицына.



В. Краснов прибывает венок в память о великом князе Михаиле Александровиче в Перми в сентябре 1991 года.

Джонсоном, он получил разрешение остаться в качестве адъютанта Михаила и не обязан был следовать за своим начальником в ссылку в Пермь. Однако он решил остаться рядом с другом из преданности. Поэтому, привлекая внимание к "последнему царю Михаилу", мы также воздаем должное верности и дружбе.



Краснов у мемориальной доски, 1992 год.



В. Краснов выступает с речью на Славянской площади 17 июля 2006 г.



В. Путин посещает галерею И. Глазунова.



В.Осипов и В.Краснов перед иконой, посвященной памяти великого князя Михаила Романова. В квартире Краснова в Москве в 2014 году.



В Доме Солженицына. 2018

У меня были причины для инакомыслия. Я знал нескольких американских профессоров, хорошо знающих Россию, которые согласились бы со мной и Солженицыным. Одним из них был доктор Дональд Тредголд (1922-1994), я общался с ним несколько лет.

Из письма Солженицына Краснову: «Дорогой Владислав Георгиевич! Наконец, я прочёл - и с большим интересом - Ваш доклад об Осипове.

Я очень многих подробностей тут не знал и вообще интересно вообразить жизнь другого поколения, чьё студенчество было на 20 лет позже моего.

И для западных Ваш этот доклад полезный, хотя вызвать у них сочувствие к русскому национальному направлению - абсолютно безнадежно».

Солженицын не принял государственную награду от Ельцина. Он также резко осудил бандитскую приватизацию и подлый захват собственности. Я уверен, что Осипов согласился бы с таким решением, поскольку Солженицын был одним из его любимых мыслителей.

<https://likorg.ru/post/v-n-osipov-k-100-letiyu-a-i-solzhenicyna>

Библиография:

1. About Samizdat : URL: <https://samizdat.library.utoronto.ca/content/about-samizdat>
2. The periodicals of the Russian émigré : URL: <https://libraries.indiana.edu/periodicals-russian-emigre>
3. Krasnow, W. (1979) "Richard Pipes's Foreign Strategy: Anti-Soviet or Anti-Russian?", *The Russian Review*, Vol. 38, № 2, April, pp. 180–191 : URL: <https://www.jstor.org/stable/128605?refreqid=excelsior%3Ad0d86abfedb48edcf0cac3263d15d692>
4. Krasnow, W. (1980) "Richard Pipes's Foreign Strategy: Anti-Soviet or Anti-Russian?", *Posev*, Vol. 1 (1272), pp. 36–43 (In Russian).
5. Krasnow, W. (1978) "Karl Marx as Frankenstein: Toward a Genealogy of Communism", *Modern Age*, Winter 1978, pp. 72–82 : URL: <https://www.unz.com/print/ModernAge-1978q1-00072>
6. Krasnow, W. (1978) "Karl Marx as Frankenstein: Toward a Genealogy of Communism", *Grani*, Vol. 107 (In Russian).
7. Krasnow, V. (1986) "Wrestling with Lev Tolstoi: War, Peace, and Revolution in Aleksandr Solzhenitsyn's New Avgus Chetyrnadtsatogo", *Slavic Review*, Vol. 45, №. 4 (Winter, 1986), pp. 707–719.
8. Solzhenitsyn and Uchimura talk in Tokyo (1982), Japan on October 5, URL: <https://libking.ru/books/prose-/prose-rus-classic/53429-aleksandr-solzhenitsyn-teleintervyu-yaponskoy-kompanii-nihon.html>
9. Krasnow, V. (2021) "Ilya Glazunov's Russian Nationalism | Hokkaido University", *World Art News*, 18 April: URL: <https://worldart.news/2021/04/18/ilya-glazunovs-russian-nationalism-hokkaido-university>
10. Glaser, J. (2017) "NATO Expansion Is Unwise. Saying So Isn't Treasonous". URL: <https://www.cato.org/blog/nato-expansion-unwise-saying-so-isnt-treasonous>
11. Unz, R. (2018) "American Pravda: the Bolshevik Revolution and Its Aftermath". URL: <https://www.unz.com/runz/american-pravda-the-bolshevik-revolution-and-its-aftermath>
12. Crawford, D. (2012) "The Last Tsar: Emperor Michael II Paperback", CreateSpace, US, 396 p.
13. Tsygankov, A. (2009). *Russophobia: Anti-Russian Lobby and American Foreign Policy*. Palgrave Macmillan US, 240 p.
14. Friedman, Robert I. (2007) "Red Mafiya Jewish or Russian mafia?": URL: http://robert-friedman-red-mafiya.blogspot.com/2007/09/robert-friedman-red-mafiya-jewish-mafia_4646.html
15. Hammer, D. P. (1984) "Vladimir Osipov and the Veche Group (1971–1974): A Page from the History of Political Dissent", *The Russian Review*, Vol. 43, №. 4, pp. 355–375. URL: <https://www.jstor.org/stable/129530?seq=1-->

16. Kournakoff, S. (1935) "Savage squadrons" Hale, Cushman & Flint, Boston & NY, US, 8 p.
17. Yury Karyakin : URL: <http://www.karyakinyury.com/en/bio.html>

Содержание

Предисловие.....	1
Введение.....	2
I. Московский университет. Мои воспоминания.....	3
II. Студенческая коммуна.....	4
III. Студент-немарксист.....	4
IV. Антисталинская речь Хрущева.....	5
V. Венгерская революция.....	6
VI. Дело Краснопевцева.....	7
VII. 40 годовщина Октябрьской революции.....	7
VIII. Кульминационный момент и исключение из университета.....	8
IX. Выживание.....	8
X. Площадь Маяковского.....	9
XI. Семилетний приговор.....	9
XII. Лагерь помог мне прийти к Богу.....	10
XIII. Первый выпуск журнала «Вече».....	10
XIV. Поддержка позиции Солженицына.....	11
XV. Осипов о миссии России как христианской страны.....	11
XVI. Вектор развития России.....	12
XVII. Испытания Солженицына.....	13
XVIII. Книга советских перебежчиков.....	17
XIX. Михаил Восленский.....	20
XX. Защита Солженицына от обвинений в антисемитизме.....	21
XXI. Защита Ильи Глазунова от обвинений в антисемитизме.....	24
XXII. О конгрессе русских американцев.....	31
XXIII. Продвижение русского дела Центром современных российских исследований.....	35
XXIV. Публикации Центра современных российских исследований.....	36
XXV. Михаил Хейфец в Монтерее.....	37
XXVI. Володя Осипов в Америке.....	41
XXVII. Постскрипtum: Новая Россия: от коммунизма к национальному возрождению.....	46
XXVIII. Возвращение домой.....	49
Библиография.....	57